ЛЕНИН

ОКТЯБРЬ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД 133
0417

ОКТЯБРЬ
Пётр Дынкринский
1925
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Ленин, В.И. и др.
X

ОКТЯБРЬ

ЕД133
О 417

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
В. И. ЛЕНИНА, Н. И. БУХАРИНА
и И. В. СТАЛИНА

СОСТАВИЛ П. М. ТАШКАРОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. И. БРОЙДО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2011

Ед 133
0-417

Главлит 46743
Гиз 15055. Тир. 25.000.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

с/ф 040
5920 № 31852.

31852

1917—1925

На том участке земного шара, имя которому было — царская Россия, лапотная Русь, тюрьма народов,

там, где обрыскавший все задворки мира в погоне за сырьем рынками сбыта и дешевой рабочей силой, стальной стопой заводов и фабрик стал империализм,

там, где сгнившая на корню, схваченная политическим параличом и распутинской проказой дряхлеющая буржуазия не сумела сбросить с себя крепостнические путы, наряды и складки царской порфиры и перевооружиться как следует: ядом буржуазной идеологии — прессы, школы, парламента и социал-предательства,

там, где экспроприированный крестьянин, согнанный с последней полосы обуржуазившимся помещиком и одворянившимся капиталистом, был брошен в железные котлы гигантов заводов и фабрик,

там, где молодой, спаянный революционной волей пролетариат, не отравленный ядом социал-соглашательства, подкупа и измены, вступил в решительную схватку с царем и помещиком, четыреххвосткой и капиталом,

где в долгой геройской борьбе: в формировании штаба, в сколачивании и организации широких масс, в подготовке армий и в огне восстаний, в атаке и отступлении, в победах и поражениях — выковал пролетариат свой стальной авангард «РКП» и своего Ильича — Ленина,

там, где передовой отряд этот прошел долгий путь борьбы, отметая на каждом подступе, повороте, зигзаге все предательское

и ликвидаторское, все стремящееся назад и колеблющееся, все неверующее в великую победу,

там прорвалась раньше всего уже проржавленная цепь загнивающего империализма,
вновь, после 1871 года, взвилось алое знамя Коммуны
и родился Великий Октябрь.

★ ★ ★

«Для священной травли» победного Октября «соединились все силы» старого мира: Рябушинский и Дан, «папа и царь», Гинденбург и Каутский, Макдональд и Морган, английский парламент и турецкий султан.

Стальной щетиной штыков, танками и интервенцией встретила Октябрь буржуазия всего мира.

Рука векового классового врага — рука империалистов — подожгла гражданской войной Советский Союз.

Но вынес все удары скованный железной ленинской волей союз рабочих и крестьян.

Юденич и Колчак, Деникин и Врангель не справились с Октябрем.

Окрепла в гражданской войне пролетарская диктатура и ее страж — Красная армия.

Колючей проволокой отделила буржуазия первую страну власти пролетариата от всего мира.

Корявой рукой смерти схватил голод изнуренную страну пролетарской свободы.

Порвала блокада жилы народного хозяйства, приглушила голос телеграфа и радио, и тысячезевной газетной клеветой облаяли Октябрь «псы и свиньи умирающей буржуазии».

Но вынес блокаду союз рабочих и крестьян!
Поднял народное хозяйство мужик и рабочий!
Проложен путь к трактору и электрификации!

Собраны и сколочены отряды против мирового империализма во всех странах мира:
близких и далеких, «культурных» и отсталых, в метрополиях и колониях.

★ ★ ★

Горят со всех сторон обветшавшие стропила капитализма: Германия и Венгрия, Болгария и Турция, «Индия и Китай кипят».

Тщетны все усилия социал-предателей расколоть отряды армии мирового Октября.

Профсоюзы Советской страны и страны «его величества» короля английского в крепком союзе.

Французский рабочий и кочевник Марокко, английский пролетарий и крестьянин Индии и Китая заключают священный союз борьбы с империализмом.

Рушатся подгнившие основы колониальной эксплоатации,— вековые устои мирового разбоя и грабежа.

Нет, уже не «призрак» только «бродит по Европе,— призрак коммунизма»,— а великая рать рабочих и крестьян всех стран, возглавленная ленинской когортой, в союзе с победившей в одной стране диктатурой пролетариата, подрубает основы капитализма во всех концах и окраинах мира.

«Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией», неизбежно растущей и шествующей вперед и вширь.
Пролетарии всех стран и угнетенные народы всего мира, соединяйтесь!

Г. И. Бройдо.

★ ★ ★

I.

НА ПОДСТУПАХ К ОКТЯБРЮ.

«Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей».

Из брошюры: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».

В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 213.

Товарищу [redacted]

Пользуюсь хорошей оказией, чтобы побеседовать поподробнее.

1.

Общее политическое положение внушает мнѣ большое безпокойство. Петр. Совѣт и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войско и систематически готовится (Керенский в Ставкѣ, явное дѣло, столковывается с Корниловцами о войскѣ для подавленія большевиков и столковывается дѣловым образом).

А мы что дѣлаем? Только резолюціи принимаем? Теряем время, назначаем „сроки" (20. X съѣзд Совѣтов — не смѣшно ли так откладывать? не смѣшно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики не ведут, чтобы подготовить свои военныя силы для сверженія Керенскаго.

Событія вполнѣ подтвердили правильность моего предложенія, сдѣланнаго во время Дем. Сов., именно что партія должна поставить на очередь вооруж. возстание. Событія заставляют это сдѣлать. Исторія сдѣлала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные „злобой дня", мелкими текущими вопросами и „надѣясь", что „волна сметет Керенскаго". Такая надежда наивна, это все равно, что положиться „на авось". Со стороны партіи революц. пролетаріата это может оказаться преступленіем.

По моему, надо агитировать среди партіи за серьезное отношеніе к воор. возст. — для этого перепечатать на машинкѣ и сіе письмо и доставить его питерцам и москвичам.

2.

Дальше о вашей роли. Кажется, единственное, что мы можем вполнѣ имѣть в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финл. войска и балт. флот. Я думаю, вам надо воспользоваться своим высоким положеніем, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу, не терять время на „резолюціи", а все вниманіе отдать военной подготовкѣ финск. войск + флота для предстоящаго сверженія Керенскаго. Создать тайный комитет из надежнѣйших военных, обсу-

дить с ни[redacted]сторонне, собрать (и провѣрить _самому_) точнѣйшія свѣдѣнія о составѣ и расположеніи войск под Питером и в Питерѣ, о перевозѣ войск финл. в Питер, о движеніи флота и т.д.

Мы можем оказаться в смѣшных дураках, не сдѣлав этого: с прекрасными резолюціями и с Совѣтами, но _без власти_!! Я думаю, у вас есть возможность подобрать дѣйствительно надежных и знающих военных, съѣздить в Ино и другіе важнѣйшіе пункты, взвѣсить и изучить дѣло _серьезно_, не полагаясь на _шаблонно обычныя_ у нас хвастливыя общія фразы.

Что мы _ни в коем случаѣ_ не можем позволить увода войск из Финл., это ясно. Лучше идти _на все_, на возстаніе, на взятіе власти, — для передачи ея съѣзду Совѣтов. Я читаю сегодня в газетах, что через 2 недѣли опасность десанта равна нулю. Значит, времени на подготовку у вас совсѣм немного.

3.

Далѣе. „Волну" в Финляндіи надо использовать для систематич. пропаганды среди казаков, находящихся в Финл. Часть их Керенскій и Ко нарочно увели из Питера, напр., боясь большевизаціи, и поставили в Усикирко и Перк-ярви, между Выборг. и Теріоки, в безопасной (от большевиков) изоляціи. Надо изучить всѣ свѣдѣнія о расположеніи казаков и организовать посылку к ним _агитаторских отрядов_ из лучших сил матросов и солдат Финляндіи. Это необходимо. То же и для литературы.

4.

Далѣе. Конечно, отпуски даются и матросам и солдатам. Надо из отпускаемых в деревню на побывку составить отряды агитаторов для систематич. объѣзда всѣх губерній и агитаціи в деревнях, как вообще, так и для У.С. Ваше положеніе исключительно хорошее, ибо (Вы) можете _начать_ сразу осуществлять тот блок с лѣвыми эсерами, который один может

нам дать прочную власть в России и большинство во У.С. Покажите же на деле, заключите немед. блок у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию) и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее 2-х чел.: 1) от б-ков, 1) от левых с.-р. Во деревне „фирма" с.-р. пока царит, и надо пользоваться счастьем (у вас левые с.-р.), чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок б-ков с лев. с.-р., крестьян с рабочими, а не с капиталистами.

5.

По-моему, для правильной подготовки умов надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петр. Сов., который передает ее съезду Советов. Ибо зачем терпеть еще 3 недели войны и „корниловской подготовки" Керенского.

От пропаганды этого лозунга большевиками и левыми с.-р. в Финляндии не может произойти ничего кроме пользы.

6.

Раз вы во главе „власти" в Финл., на вас ложится еще одна важнейшая, хотя и скромная по задачам, работа: наладить транспорт литературы из Швеции нелегально. Без этого все разговоры об „Интернационале" фраза. Наладить это вполне можно: во-1-х, создав свою организацию из солдат на границе; во-2-х, если этого нельзя, то организовав правильную поездку хотя бы 1 надежного человечка в одну местность, где я начал налаживать транспорт при помощи того лица, у коего я жил 1 день до выезда в Гельсингфорс (Ровио знает). М.б., надо немного помочь деньгами. Обязательно наладьте это!

7.

Я думаю, нам бы надо повидаться, чтобы по-

говориться на др. день. Ибо в Москву приехать, потерять меньше суток, но если поедете только для свидания со мной, рекомендую Ровио спросить по телефону Хуттунена, можно-ли видеть „сестру" жены „Ровио" („сестра жены" = Ив.), „сестру" Хуттунена (сестра = я). Ибо я могу уехать внезапно.

Ответьте мне обязательно о получении этого письма (его сожгите) через этого же товарища, который передаст это письмо Ровио и который будет скоро назад.

На случай, что я долго отлучусь, надо наладить нам почту: для этого можете помочь, передавая эти-д. случайные конверты в Совет Выборгский (а внутри: Хуттунену).

8.

Пришлите мне через этого же товарища удостоверение (по возможности поформальнее: на бланке Обл. Комитета, с подписью председателя, с печатью, либо на машинке либо очень ясно) на имя Константина Петровича Иванова, что де Председатель обл. комитета ручается за сего товарища, прося все Советы, как Выборгский Сов. Сол. Деп., так и другие, оказать ему полное доверие, содействие и поддержку.

Мне это необходимо на всякий случай, ибо возможен и „конфликт" и „встреча".

9.

Нет-ли у Вас „московского сборника „К пересмотру программы"? Поищите у кого-либо в Гельсинг. и пришлите мне с этим же товарищем.

10.

Имейте в виду, что Ровио прекрасный человек, но неисполнительный. Его надо смотреть и напоминать 2 раза в день. Иначе не сделает.

Привет! Ваш
К. Ильин

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ СМИЛГЕ*.

Настоящее письмо входит в серию тех писем, с которыми Владимир Ильич накануне Октября обращался к партии из подполья, агитируя за вооруженное восстание.

Письмо тов. Смилге написано в Выборге. Письмо без даты. Точная дата (27 сентября по стар. ст. — 10 октября по новому) устанавливается на основании упоминаемых в письме фактов (см. примечание 6). Обстоятельства написания письма видны из справки тов. Смилги.

Владимир Ильич советовал тов. Смилге сжечь это письмо. Тов. Смилга, к счастью, не выполнил этого предложения, но, по соображениям конспирации, вырвал из письма фамилию адресата,— тем самым на обороте страницы оказалось поврежденным слово «всесторонне». Все письмо состоит из 4 страниц. Снимок этого письма помещен в настоящем сборнике.

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б) 31852

* * *

И. СМИЛГА.

К ПИСЬМУ ТОВ. ЛЕНИНА.

В кратких словах, обстоятельства, при которых писалось печатаемое ниже письмо, сводились к следующему. В первых числах сентября 1917 года я был избран председателем Областного Комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Областной Комитет был нечто в роде теперешних Областных Исполкомов Советов. Вместе с Гельсингфоргским Советом, во главе которого стоял тов. А. А. Шейнман, и Центробалтом, во главе с тов. Дыбенко, Областной Комитет осуществлял руководство революционными событиями во флоте и в расположенных в Финляндии гарнизонах.

---

* Печатаемый ниже материал любезно предоставлен Институтом В. И. Ленина Государственному Издательству для настоящего сборника.

Владимир Ильич в это время находился в Финляндии. До конца сентября он оставался в Гельсингфорсе, потом переехал в Выборг, а оттуда вскоре в Петроград.

Я в это время часто встречался с Владимиром Ильичем, беседовал с ним о складывающейся обстановке и получал от него указания не только по работе в Финляндии, но и для всего ЦК. Я привез в Питер, напр., знаменитое письмо Владимира Ильича об окружении Александринки *.

Владимир Ильич отчетливо представлял себе огромное значение моряков Балтийского флота и гарнизонов Финляндии для борьбы с временным правительством. Большинство войск шло с большевиками. Значительные массы матросов и солдат находились под влиянием левых эсеров. На октябрьском съезде Советов Финляндии меньшевики и эсеры были окончательно ликвидированы. В Областной Комитет не попало ни одного сторонника временного правительства. Неизбежность вооруженной борьбы стала ясной для всех.

В середине сентября, во время демократического совещания, Областной Комитет отказался от какого бы то ни было подчинения временному правительству. Попытка Керенского послать в Финляндию карательный отряд потерпела неудачу. Было ясно, что долго такое положение продолжаться не может. Либо восстание, либо разложение наших рядов.

Из письма читатель увидит, какое значение придавал Владимир Ильич финляндским войскам. Петербург был бесспорной политической базой Октября. Финляндия была крупной боевой силой пролетариата в 1917 году. Техническая подготовка Октября в Финляндии представляет одну из самых красочных страниц истории пролетарской революции.

Письмо послано мне из Выборга в последних числах сентября.

8/VII-25 г.

★ ★ ★

* «Марксизм и восстание». Письмо в ЦК РСДРП (б). В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 135. *Ред.*

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНА ТОВ. СМИЛГЕ.

Товарищу [Смилге].

Пользуюсь хорошей оказией, чтобы побеседовать поподробнее.

1.

Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петр[оградский] Совет и большевики объявили войну правительству [1]. Но правительство имеет войско и систематически готовится (Керенский в Ставке, явное дело, столковывается с корниловцами о войске для подавления большевиков и столковывается деловым образом) [2].

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем «сроки» (20 X съезд Советов — не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики не ведут, чтобы подготовить свои военные силы для свержения Керенского.

События вполне подтвердили правильность моего предложения, сделанного во время Дем[ократического] Сов[ещания], именно, что партия должна поставить на очередь вооруж[енное] восстание [3]. События заставляют это сделать. История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные «злобой дня», мелкими текущими вопросами и «надеясь», что «волна сметет Керенского». Такая надежда наивна, это все равно, что положиться «на авось». Со стороны партии революц[ионного] пролетариата это может оказаться преступлением.

По-моему, надо агитировать среди партии за серьезное отношение к воор[уженному] восс[танию] — для этого переписать на машине и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам.

— 2.

Дальше о вашей роли. Кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финл[яндские] войска и балт[ийский] флот. Я думаю, Вам надо воспользоваться своим высоким положением, свалить с себя на помощников и секретарей всю мелкую, рутинную работу,

не терять времени на «резолюции», а все внимание отдать военной подготовке финск[их] войск + флота для предстоящего свержения Керенского. Создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ними всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о переводе войск финл[яндских] в Питер, о движении флота и т. д.

Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого: с прекрасными резолюциями и с Советами, но без власти!! Я думаю, у вас есть возможность подобрать действительно надежных и знающих военных, съездить в Ино и другие важнейшие пункты, взвесить и изучить дело серьезно, не полагаясь на слишком обычные у нас хвастливые общие фразы [4].

Что мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финл[яндии], это ясно [5]. Лучше итти на все, на восстание, на взятие власти, — для передачи ее съезду Советов. Я читаю сегодня в газетах, что уже через 2 недели опасность дессанта равна нулю [6]. Значит, времени на подготовку у вас совсем немного.

= 3.

Далее. «Власть» в Финляндии надо использовать для систем[атической] пропаганды среди казаков, находящихся здесь в Финл[яндии]. Часть их Керенский и К⁰ нарочно вывели из Выборга, напр., боясь «большевизации», и поставили в Усикирко и Перкярви [7], между Выборг[ом] и Териоки, в безопасной (от большевиков) изоляции. Надо изучить все сведения о расположении казаков и организовать посылку к ним агитаторских отрядов из лучших сил матросов и солдат Финляндии. Это необходимо. То же и для литературы.

= 4.

Далее. Конечно, отпуска даются и матросам и солдатам. Надо из отпускаемых в деревню на побывку составить отряды агитаторов для систем[атического] объезда всех губерний и агитации в деревнях, как вообще, так и для У[чредительного] С[обрания]. Ваше положение исключительно хорошее, ибо Вы можете начать сразу осуществлять тот блок с левыми эсэрами, который один

может нам дать прочную власть в России и большинство в У[чредительном] С[обрании]. Пока там суд да дело, заключите немедленно такой блок у себя, организуйте издание листовочек (выясните, что вы можете сделать технически для этого и для их провоза в Россию), и тогда надо, чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее 2-х чел.: 1 от бе-ков, 1 от левых с.-р. В деревне «фирма» с.-р. пока царит, и надо пользоваться вашим счастьем (у вас левые с.-р.), чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок беков с лев. с.-р., крестьян с рабочими, а не с капиталистами.

5.

По-моему, для правильной подготовки умов, надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петр[оградского] Совета, который передаст ее съезду Советов. Ибо зачем терпеть еще 3 недели войны и «корниловских подготовлений» Керенского.
От пропаганды этого лозунга большевиками и левыми с.-р. в Финляндии не может быть ничего кроме пользы.

6.

Раз вы во главе «власти» в Финляндии, на Вас ложится еще одно важнейшее, хотя и скромное по задаче, дело: наладить транспорт литературы из Швеции нелегально. Без этого все разговоры об «Интернационале» — фраза. Наладить это вполне можно: во-1-х, создав свою организацию из солдат на границе; во-2-х, если этого нельзя, то организовав правильные поездки хотя бы 1 надежного человека в одну местность, где я начал налаживать транспорт при помощи того лица, у коего я жил 1 день до въезда в Гельсингфорс (Ровио его знает) [8]. М.-б., надо немного помочь деньгами. Обязательно наладьте это!

7.

Я думаю, нам бы надо повидаться, чтобы поговорить на эти темы. Вы бы могли приехать, потеряв меньше суток, но если поедете только для свидания со мной, заставьте Ровио спросить

по телефону Хуттунена [9], можно ли видеть «сестре жены» Ровио («сестра жены» = Вы) «сестру» Хуттунена (сестра = я). Ибо [иначе] я могу уехать внезапно.

Ответьте мне обязательно о получении этого письма (его сожгите) через того-же товарища, который передаст это письмо Ровио и который едет скоро назад.

На случай, что я долго останусь здесь, надо наладить нам почту: Вы бы могли помочь этому, передавая ж.-д. служащим конверты в Совет Выборгский (а внутри: Хуттунену).

8.

Пришлите мне через того же товарища удостоверение (по возможности поформальнее: на бланке Обл[астного] Комитета, за подписью председателя, с печатью, либо на машинке, либо очень ясно): на имя Константина Петровича Иванова, что де Председатель Обл[астного] Комитета ручается за сего товарища, просит все Советы, как Выборгский Совет Солд. Деп., так и другие, оказать ему полное доверие, содействие и поддержку.

Мне это необходимо на всякий случай, ибо возможен и «конфликт» и «встреча».

9.

Нет ли у Вас московского сборничка «К пересмотру программы»? [10] Поищите у кого-либо в Гельс[ингфорсе] и пришлите мне с тем же товарищем.

10.

Имейте в виду, что Ровио прекрасный человек, но лентяй. За ним надо смотреть и напоминать 2 раза в день. Иначе не сделает.

Привет! [неразобранное слово]

К. Ива[нов]. [11]

* * *

1. См. а) Резолюцию Петроградского Совета Р. и С. Д., принятую 22 сентября 1917 г. («Рабочий Путь» № 19 от 7 октября (24 сентября) 1917 г.) и б) Заявление фракции большевиков на первом заседании предпарламента («Рабочий Путь» № 20 от 9 октября (26 сентября) 1917 г.).

2. Керенский уехал в ставку 26 сентября (9 октября).

3. Демократическое совещание происходило в Петрограде 14—22 сентября. Предложение о вооруженном восстании сделано Владимиром Ильичем в его известном письме: «Большевики должны взять власть» (Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 133).

4. Форт Ино входил в систему Кронштадтских укреплений, находился на границе с Финляндией, прикрывал дорогу на Петроград и взорван весной 1918 г.

5. Временное правительство отдало распоряжение о выводе наиболее революционно-настроенных войск из Финляндии и о замене их другими частями; распоряжение мотивировалось соображениями стратегии и обороны, на самом же деле преследовало политические цели. (См. «Рабочий Путь», № 20 от 26 сентября (9 октября) 1917 г. и «Новая Жизнь» № 138 от 27 сентября (10 октября) 1917 г.).

6. В «Новой Жизни» № 138 от 27 сентября (10 октября) 1917 г. в отделе «Последние известия» есть заметка следующего содержания:

> «В авторитетных кругах указывают, что германский десант в Финляндию едва ли возможен. Переброска флота и десанта из Киля в Финляндию должна потребовать громадного количества топлива, которым Германия в данный момент не располагает. Недели через 2 всякая вероятность десанта явится устраненной, так как будет упущено время, необходимое для развития этой операции».

Последняя фраза позволяет установить точную дату написания настоящего письма — 27 сентября (10 октября) 1917 г., так как Владимир Ильич, несомненно, имеет в виду именно эту заметку. Газеты из Петрограда получались в Выборге в тот же день.

7. Усикирко и Перкярви — две жел.-дор. станции в Финляндии по линии Петроград — Выборг.

8. Густав Ровио — финский социал-демократ, был в сентябре полицеймейстером в Гельсингфорсе. Ныне коммунист.

9. Хуттунен — депутат финляндского сейма, социал-демократ, осенью 1917 г. оказывал большевикам различные услуги, позже, во время революции в Финляндии, перешел на сторону буржуазии.

10. «Материалы по пересмотру партийной программы», сборник статей: В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова, В. Смирнова. Изд. Моск. Областн. Бюро РСДРП. Сборник вышел летом 1917 г. О нем см. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 149 и сл. («К пересмотру партийной программы»).

11. Иванов — псевдоним В. И. Ленина.

* * *

В. И. ЛЕНИН.

ПИСЬМО В ЦК РСДРП (б).

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до поддержки временного правительства. Это архи-неверно, это беспринципность. Мы станем оборонцами лишь после перехода власти к пролетариату, после предложения мира, после разрыва тайных договоров и связей с банками, лишь после. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделают нас оборонцами. До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы не оборонцы.

И поддерживать революцию Керенского мы даже теперь не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань; ее переходят иные б-ки, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архи-существенная, и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на иоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в этом видоизменение. Далее, видоизменение в том, что теперь главным стало усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорсские войска в Питер, разгони государственную думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабрикатами и пр., и пр. И не только к Керенскому, не столько к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их требования арестов генералов и офицеров, высказывающихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянко и Милюкова, разгона гос. думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эсеров особенно надо толкать в эту сторону. Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него же, косвенно, именно, требуя активной и активнейшей войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти, и говорить об этом в агитации поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти, и тогда мы ее не выпустим). По-моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином революционном фронте революционной демократии, о поддержке вр. п-ва и пр., и пр. надо бороться беспощадно,

именно как с фразами. Теперь же время дела: вы,г.г. эсеры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время дела: войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский боится масс, боится народа). В войне против немцев именно теперь нужно дело: тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, — иначе все меньшевики и эсеры останутся лакеями империализма.

★ ★ ★

Прочитав после написания этого места №№ «Рабочего», должен сказать, что совпадение получилось полное. Приветствую от всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. Милютина и Володарского.

[Написано в начале сентября 1917 г.]
[Опубликовано в «Правде» № 250, 7 ноября 1917 г.—
В. И. Ленин. Собр. соч., том, XII, ч. 2, стр. 95.]

★ ★ ★

В. И. ЛЕНИН.

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ.

[Письмо в ЦК, ПК и МК РСДРП (б).]

Получив большинство в обоих столичных советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет. Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных советах есть плод развития народа в нашу сторону. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в гор. думы Питера и Москвы и выборы в советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство.

* * *

Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во 100 раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать не в силах.

И учредительного собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда могут сорвать его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв учредительного собрания, и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро. Народ устал от колебаний м-ков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос идет не о «дне» восстания, но о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами.

Вопрос о том, что наша партия теперь на демократическом совещании имеет фактический свой съезд, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции.

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Пи-

тере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искуоство» и т. д.

★ ★ ★

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «демократического совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: совет и демократические организации Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам — значит победить.

Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет, может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно.

[Написано в сентябре 1917 г. в дни демократического совещания.]
[Из архива ЦК РКП [6].— В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 133].

★ ★ ★

РЕШЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ*.

I. Резолюция Центрального Комитета Партии, принятая 10 октября 1917 г.

«ЦК признает, что международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза [сепаратного]** мира [со стороны]** империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского и К⁰ сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах,—все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.),—все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезд Советов Северной области, вывоз войск из Питера, выступление москвичей и минчан и т. д.). Образовать для политического руководства восстанием бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольникова и Бубнова».

---

* Впервые публикуется по материалам, представленным для настоящего сборника архивом ЦК РКП (б).

** Помещенные в квадратных скобках слова, видимо, пропущены в тексте по недосмотру. *Ред.*

II. Резолюция Центрального Комитета Партии, принятая 16 октября 1917 г.

Присутствуют члены ЦК, ПК (Петроградский Комитет), ВО [Военная Организация], П.С. Пр. С [Петроградский Совет Профессиональных союзов], ФЗК (фабзавкомы), ПОК (Петроградский Окружный Комитет), пред. Сев. ж. д. [представители Северных железных дорог].

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК *, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого ЦК центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.

Для организационного руководства восстанием ЦК организует Военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского Комитета».

* * *

* На этом собрании была оглашена резолюция ЦК от 10 октября.

В. И. ЛЕНИН.

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ.

[Письмо в ЦК РСДРП (б).]

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит опортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию как к искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма Бернштейн уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на иоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха итти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью, и т. д., и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно упираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это — во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это — во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей револю-

ции. Это — в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма. Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию как к искусству значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда обязательно для партии признать восстание поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было:

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих советах. Оно создано только историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг — империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо

драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к* Керенским *и к* Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и м-ков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция до корниловщины могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство класса — авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами большинство народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров (и от самих эсеров) земли не получит. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и всего империализма и всего блока м-ков с эсерами.

За нами — верная победа, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем предложив компромисс блокистам и получив отказ от них при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что «демократическое совещание» еще может принять его. Компромисс предлагался от партии к партиям; иначе он не мог предлагаться. Партии отвергли его. Демократическое совещание есть только совещание, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено большинство революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это — совещание меньшинства народа, — нельзя забывать этой очевидной истины.

Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к демократическому совещанию как к парламенту, ибо даже если бы оно объявило себя парламентом, и суверенным парламентом революции, все

равно оно ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — исключительные выгоды положения, когда только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда только наша победа в восстании сорвет игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир в пользу революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, может спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда мы становимся «оборонцами», тогда мы становимся во главе военных партий, мы будем самой «военной» партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики: 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам, по меньшей мере, перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить весь мир.

* * *

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию как к искусству. Мы должны на совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гонялись за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они там полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эсеров и меньшевиков; мы рвем с этими партиями окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав решать, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель демократического совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы правильно учтем момент для начала восстания.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент оставаться верным марксизму, остаться верным революции, не относясь к восстанию, как к искусству.

[Написано в сентябре 1917 г., в дни демократического совещания.]
[Из архива ЦК РКП (б).—В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 135.]

* * *

В. И. ЛЕНИН.

НЕЛЬЗЯ ИТТИ ВПЕРЕД, НЕ ИДЯ К СОЦИАЛИЗМУ.

(Из статьи: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».)

Предшествующее изложение легко может у читателя, воспитанного на ходячих оппортунистических идеях эсеров и меньшевиков, вызвать такое возражение: большинство описываемых здесь мер, в сущности, не демократические, а уже социалистические меры.

Это ходячее возражение, обычное (в той или иной форме) в прессе буржуазной, эсеровской и меньшевистской, есть реакционная защита отсталого капитализма, защита, наряженная по-струвистски. Дескать, мы не созрели для социализма, рано «вводить» социализм, наша революция буржуазная — поэтому надо быть в холопах у буржуазии (хотя великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою

революцию великой посредством террора против всех угнетателей, и помещиков и капиталистов).

Услужающие буржуазии горе-марксисты, к которым перешли и эсеры и которые рассуждают так, не понимают (если рассмотреть теоретические основы их мнения), что такое империалистические монополии? Что такое государство? Что такое революционная демократия? Ибо, поняв это, нельзя не признать что нельзя итти вперед, не идя к социализму.

Об империализме говорят все. Но империализм есть не что иное, как монополистический капитализм.

Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

А что такое государство? Это организация господствующего класса, — например, в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и другие) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм, или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов.

Ну, а попробуйте-ка подставить вместо юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство революционно-демократическое, то-есть революционно разрушающее всякие привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму.

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т.-е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян в первую голову, при условии революционного демократизма) — государство направляет предприятие в чьих интересах?

Либо в интересах помещиков и капиталистов, — тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрокра-

тическое государство, империалистическую республику; либо в интересах революционной демократии, — тогда *это и есть шаг к социализму*.

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу* всего народа и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией. Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятерила их число, роль и значение) вперед итти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда нельзя бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждая их по-пешехоновски, по-дановски, по-черновски доводами, что наша революция буржуазная, что нельзя «вводить» социализма и т. п., — и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т.-е. реакционно-бюрократически подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции.

Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны — в особенности. Надо итти либо вперед, либо назад. Итти вперед в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не идя к социализму, не делая *шагов* к нему (шагов, обусловленных и определенных уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести в земледелие крестьян», его нельзя отменить в сахарном производстве).

А если бояться итти вперед, *это значит* итти назад, чем гг. Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются. Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами

порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет.

* * *

К вопросу о социализме наши эсеры и меньшевики подходят по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим.

А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно практически, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма.

Что такое трудовая всеобщая повинность?

Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к урегулированию экономической жизни в целом по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом.

В Германии юнкера (помещики) и капиталисты вводят всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбежно становится военной каторгой для рабочих.

Но возьмите то же самое учреждение и продумайте значение его при революционно-демократическом государстве. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, это еще не социализм, но это уже не капитализм. Это громадный шаг к социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму.

[Написано в середине сентября 1917 г.— В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV ч. 2, стр. 206.]

* * *

В. И. ЛЕНИН.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ.

(Из статьи: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться».)

Чтобы быть действительно революционной, демократия современной России должна итти в полнейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу как единственного до конца революционного класса.

Таков итог, к которому приводит разбор вопроса о средствах борьбы с неминуемой катастрофой неслыханных размеров.

Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства.

В силу ряда исторических причин — большой отсталости России, особенных трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года — в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхватывает исключительно редкая во время империалистской войны революционно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей.

И отношение пролетариата к крестьянству в такой момент подтверждает — соответственно видоизменяя ее — старую большевистскую постановку: вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. Только в том залог спасения революции.

А крестьянство есть наиболее многочисленный представитель всей мелкобуржуазной массы.

Наши эсеры и меньшевики взяли на себя реакционную роль: удержать крестьянство под влиянием буржуазии, вести крестьянство в коалиции с буржуазией, а не с пролетариатом.

Опыт революции учит массы быстро. И реакционная политика эсеров и меньшевиков терпит крах: они побиты в Советах обеих столиц. В обеих мелкобуржуазно-демократических партиях растет «левая» оппозиция. В Питере 10 сентября 1917 г. городская конференция эсеров дала большинство в $^2/_3$ л е в ы м эсерам, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией.

Эсеры и меньшевики повторяют излюбленное буржуазией противопоставление: буржуазия и демократия. Но такое противопоставление столь же бессмысленно, в сущности, как сравнение пудов с аршинами.

Бывает демократическая буржуазия, бывает буржуазная демократия: только самое полное невежество и в истории и в политической экономии способно отрицать это.

Неверное противопоставление понадобилось эсерам и меньшевикам, чтобы прикрыть бесспорный факт: между буржуазией и пролетариатом стоит м е л к а я б у р ж у а з и я. Она неизбежно, в силу ее экономического классового положения, колеблется между буржуазией и пролетариатом.

Эсеры и меньшевики тянут мелкую буржуазию к союзу с буржуазией. В этом суть всей их «коалиции», всего коалиционного министерства, всей политики Керенского, типичного полукадета. За полгода революции эта политика потерпела полный крах.

Кадеты злорадствуют: революция-де потерпела крах, революция не справилась ни с войной, ни с разрухой.

Неправда. Крах потерпели к а д е т ы и э с е р ы с м е н ь ш е в и к а м и, ибо этот блок (союз) полгода правил Россией, за полгода усилил разруху, запутал и затруднил военное положение.

Чем полнее крах союза буржуазии с эсерами и меньшевиками, тем быстрее научится народ. Тем легче он найдет верный выход: союз беднейшего крестьянства с пролетариатом.

[Написано в середине сентября 1917 г.]
[Напечатано отдельной брошюрой в конце октября 1917 г.—В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 212.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

СОЮЗ ЖЕЛТЫХ.

Русская революция не есть нечто обособленное. Она кровно связана с революционным движением на Западе. Более того, она есть часть того великого движения пролетариев всех стран, которое призвано сокрушить самые основы мирового капитализма. Вполне понятно, что каждый шаг нашей революции неминуемо вызывает ответную волну на Западе, каждая ее победа — оживление и рост мирового революционного движения, сплачивая рабочих всех стран к борьбе с капиталом.

Этого не могут не знать акулы западно-европейского империализма. Поэтому они решили объявить русской революции смертельную войну.

Еще в начале нашей революции открыли против нее поход англо-французские капиталисты. Их органы «Times» и «Matin» уже тогда поносили революционные Советы и комитеты, призывая к их разгону.

Спустя два месяца после этого на тайной конференции в Швейцарии империалисты всех стран еще раз поставили вопрос о мерах борьбы с «разрастающейся революцией», направляя свои удары прежде всего против русской революции.

Теперь они переходят в открытую атаку. Поводом для этого берут поражение под Ригой. При чем, взваливая все на солдат, призывают к дальнейшему усилению контр-революции в России. Послушайте телеграммы «Биржевых Ведомостей».

Телеграмма из Парижа:

«Отход или, вернее, бегство без боя второй армии и падение Риги вызывают здесь судорогу боли, негодования и отвращения.

«Matin» утверждает, что русские пацифисты, виновники этой катастрофы, оказались столь же бесталанными, как плохие советчики бывшего императора, и еще более вредными, чем они.

Газета заявляет, что не понимает упрямства Совета Р. и С. Д., вопреки столь трагическим предметным урокам продолжающего отстаивать столь нелепые учреждения, как армейские комитеты».

Так пишет орган французских капиталистов.

А вот и телеграмма из Лондона:

«Daily Chronicle» говорит: «Прежде всего необходимо восстановление дисциплины в армии. Своей быстрой и столь важной победой германцы обязаны тем же самым причинам, которые позволяли им занять Галицию и Буковину, а именно—неподчинению приказам, изменничеству, наблюдающимся в русских войсках».

Так говорят империалисты Англии.

«...Бегство без боя...» «Нелепые армейские комитеты...» «Восстановление дисциплины» (мало им смертной казни!)...» «Изменничество в русских войсках...»

Вот какими комплиментами встречают эти денежные мешки истекающих кровью русских солдат!

И это после всеобщего признания очевидцев, что «армия, отступая, все время честно бьется с врагами», что «войска в районе прорыва беспрекословно и честно выполняют порученные им задачи!!!».

Но дело тут, конечно, не только в травле и низкой клевете на солдат.

Дело в том, что, клевеща на солдат, англо-французские капиталисты хотят использовать неудачу на фронте для окончательной ликвидации революционных организаций России, для окончательного торжества диктатуры империализма.

В этом вся суть.

Когда Пуришкевич и Милюков, проливая крокодиловы слезы по случаю падения Риги и клевеща на солдат, хулят в то же время Советы и комитеты, — то это значит, что они рады случаю требовать дальнейших репрессий для окончательного торжества помещиков и капиталистов.

Когда империалисты Запада, разглагольствуя о «судорогах боли» по случаю падения Риги и взваливая все на солдат, в то же время поносят «нелепые армейские комитеты». — то это значит, что они рады случаю добить последние остатки революционных организаций в России.

В этом и только в этом политический смысл объединенного похода лжи и клеветы против умирающих на северном фронте русских солдат.

Союз отечественных и европейских империалистов для использования военных неудач под Ригой путем клеветы над солдатами п р о т и в истекающей кровью русской революции, — вот каково теперь положение.

Пусть запомнят это рабочие и солдаты!

Пусть знают они, что только в союзе с рабочими Запада, только расшатав основы капитализма на Западе, можно будет рассчитывать на торжество революции в России!

Пусть знают они это и пусть приложат все усилия к тому, чтобы желтому союзу империалистов был противопоставлен красный союз революционных рабочих и солдат всех стран.

[«Рабочий», № 1, 25 авг. (7 сент.) 1917 г., передовая, без подписи.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

МЫ ТРЕБУЕМ.

События бегут. После Московского совещания — сдача Риги и требования о репрессиях. После неудавшейся травли солдат на фронте — провокаторские слухи о «заговоре большевиков» и новые требования о репрессиях. После разоблачения провокаторских слухов — открытое выступление Корнилова, требующего смещения временного правительства и провозглашения военной диктатуры. При чем партия Милюкова, партия народной свободы, уходит, как в июльские дни, из министерства, открыто поддерживая тем самым контр-революционный заговор Корнилова.

В результате — поход корниловских полков на Петроград с целью утверждения военной диктатуры, смещение Корнилова временным правительством, объявление Керенского о кризисе, уход

Кишкина из партии к.-д., замешанной в заговоре, образование так называемой революционной Директории.

Итак:

Факт, что контр-революции нужен был «большевистский заговор» для того, чтобы расчистить дорогу Корнилову, идущему на Петроград якобы для «усмирения большевиков».

Факт, что вся буржуазная печать от «Русской Воли» и «Биржевки» до «Нового Времени» и «Речи» помогали Корнилову, усиленно распространяя в эти дни слухи о «заговоре большевиков».

Факт, что нынешнее выступление Корнилова есть лишь продолжение известных происков контр-революционных, командных верхов, сдавших в июле Тарнополь, а в августе Ригу для того, чтобы использовать «неудачи» на фронте в целях «окончательного» торжества контр-революции.

Факт, что партия кадетов теперь, как и в июле, оказалась в одном лагере с предателями на фронте и злейшими контр-революционерами в тылу.

Наша партия была права, выставляя кадетов, как вдохновителей буржуазной контр-революции.

Наша партия была права, требуя решительной борьбы с контр-революцией и ареста «замешанных» лиц (Каледина и пр.) еще в первых числах июня.

Контр-революция началась не со вчерашнего дня и не в связи с заговором Корнилова. Она началась по крайней мере в июне, когда правительство, перейдя в наступление на фронте, стало проводить политику репрессий; когда контр-революционные генералы, сдав Тарнополь и взвалив всю вину на солдат, добились смертной казни на фронте; когда кадеты, саботируя министерство еще в июле и опираясь на поддержку союзного капитала, добились своей гегемонии внутри временного правительства; когда, наконец, вожди ЦИК, меньшевики и эсеры, вместо того, чтобы порвать с кадетами и объединиться с июльскими демонстрантами, обратили свое оружие против рабочих и солдат. Это факт, отрицать который было бы смешно.

В происходящей теперь борьбе между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контр-революция, а два различных метода контр-революционной поли-

тики, при чем партия Корнилова, злейший враг революции, не останавливается перед тем, чтобы, сдав Ригу, открыть поход против Петрограда для того, чтобы подготовить условия для восстановления старого режима.

Рабочие и солдаты примут все меры к тому, чтобы дать решительный отпор контр-революционным бандам Корнилова, если они появятся в революционном Петрограде.

Рабочие и солдаты не допустят осквернения столицы России грязными руками врагов революции.

Они грудью будут отстаивать боевое знамя революции.

Но они будут отстаивать ее не для того, чтобы одну диктатуру, чуждую им по духу, заменить другой диктатурой, не менее чуждой им, но для того, чтобы проложить дорогу для полного торжества русской революции.

Теперь, когда страна задыхается в тисках разрухи и войны, а контр-революционное воронье готовит ей верную гибель, революция должна найти в себе силы и средства, необходимые для того, чтобы спасти ее от развала и разложения.

Не смена одних «правящих» групп другими, и не игра в диктатуру нужна теперь, а полная ликвидация буржуазной контр-революции и решительные меры в интересах большинства народов России.

В этих видах партия требует:

1) Немедленного удаления контр-революционных генералов в тылу и на фронте, замены их выборными от солдат и офицеров и проведения вообще, снизу доверху полной демократизации армии.

2) Восстановления революционных солдатских организаций, единственно способных установить демократическую дисциплину в армии.

3) Отмены всех и всяких репрессий, и в первую голову смертной казни.

4) Немедленной передачи всех помещичьих земель в распоряжение крестьянских комитетов с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

5) Законодательного установления 8-часового рабочего дня и организации демократического контроля над фабриками, заводами, банками с преобладанием представителей от рабочих.

6) Полной демократизации финансового хозяйства, в первую голову — беспощадного обложения капиталов и имуществ и конфискации скандальных военных барышей.
7) Организации правильного обмена между городом и деревней с тем, чтобы город получал нужные припасы, а деревня необходимые товары.
8) Немедленного провозглашения права народов России на самоопределение.
9) Восстановления свобод, декретирования демократической республики и немедленного созыва учредительного собрания.
10) Отмены тайных договоров с союзниками и предложения условий всеобщего демократического мира.
Партия заявляет, что без осуществления этих требований невозможно спасение революции, полгода задыхающейся в тисках войны и общей разрухи.
Партия заявляет, что единственным путем, необходимым для осуществления этих требований, является разрыв с капиталистами, полная ликвидация буржуазной контр-революции и переход власти в стране в руки революционных рабочих, крестьян и солдат.
Таков единственный выход, могущий спасти страну и революцию от краха.

[«Рабочий», № 4, 23 авг. (10 сент.) 1917 г., без подписи.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

ЗАГОВОР ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ.

(О Корниловщине.)

Бурцев писал недавно в газете «Общее Дело», что «никакого корниловского з а г о в о р а не было»,— «был только д о г о в о р» между Корниловым и правительством Керенского об искоренении большевиков и Советов в целях установления военной диктатуры. В подтверждение своего взгляда Бурцев печатает в № 6 «Общего Дела» «объяснительную записку» Корнилова, состоящую из ряда документов, рисующих историю заговора. Ближайшая цель всего этого бурцевского предприятия — создать

атмосферу, благоприятную для Корнилова, и сделать невозможным суд над ним. Мы далеки от того, чтобы признать материалы Корнилова исчерпывающими. Корнилов, кроме того, что он выгораживает себя от обвинений в измене, не упоминает, например, о некоторых лицах и организациях, замешанных в заговоре, и, прежде всего, о некоторых представителях посольств в ставке, игравших, по показаниям свидетелей, далеко не второстепенную роль. Следует также заметить, что «объяснительная записка» Корнилова прошла под шпиковскую редакцию Бурцева, выкинувшего из «записки» некоторые, быть может очень важные места. Тем не менее «записка» все же представляет большую ценность как документ. И пока этому документу не противопоставлены равновесные свидетельские показания, мы будем считаться с ним именно как с документом. Мы считаем поэтому необходимым поговорить о нем с читателем.

* * *

Кто они? Кто они, советчики и вдохновители Корнилова, кому он прежде всего доверял свои заговорщицкие думы?

> «К участью в обсуждении вопроса,— говорит Корнилов,— о состоянии страны и мер, необходимых для спасения от окончательного развала ее и армии, я хотел привлечь М. Родзянко, князя Г. Львова и П. Милюкова, которым были посланы телеграммы с просьбой прибыть не позже 29 августа в ставку».

Таковы главные советчики по признанию самого же Корнилова. Но это не все. Кроме советчиков и вдохновителей были еще главные сотрудники, на которых надеялся Корнилов, на которых он рассчитывал и вместе с которыми собирался он осуществить свой заговор.

Слушайте:

> «Был набросан проект «совета народной обороны» с участием верховного главнокомандующего в качестве председателя, Керенского — министра-заместителя, Савинкова, генерала Алексеева, адмирала Колчака и Филоненко. Этот совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным. На посты дру-

гих министров намечались гг. Тахтамышев, Третьяков, Покровский, Игнатьев, Аладьин, Плеханов, Львов и Завойко».

Такова теплая компания достопочтенных заговорщиков, вдохновлявшая Корнилова и вдохновлявшаяся им, секретничавшая с Корниловым за спиной народа и аплодировавшая ему на московском совещании. Милюков, как глава партии народной свободы; Родзянко, как глава совета общественных деятелей; Третьяков, как глава промышленников; Керенский, как глава оборонцев из эсеров; Плеханов, как учитель оборонцев из меньшевиков; Аладьин, как агент неизвестной фирмы в Лондоне,— вот они, надежда и упование корниловщины, душа и нервы контр-революции.

Будем надеяться, что история их не забудет, а современники отдадут им должное.

* * *

Их цели. Их цели «просты и ясны»: «поднятие боеспособности армии» и «оздоровление тыла» для «спасения России».

Для поднятия боеспособности армии «я указал»,— говорит Корнилов,—

> «на необходимость немедленного восстановления закона о смертной казни на театре военных действий».

Для оздоровления же тыла «я указал»,— продолжает Корнилов,—

> «на необходимость распространения закона о смертной казни и военно-революционных судах на внутренние округа, исходя из мысли, что никакие меры по восстановлению боеспособности армии не дадут желаемого результата, пока армия будет получать из тыла укомплектования в виде банды распущенных, не обученных, распропагандированных солдат».

Но это не все. По мнению Корнилова, «для достижения целей войны»... необходимо иметь три армии: «в окопах, в тылу — рабочую и железнодорожную». Иначе говоря: «необходимо» распространить военную дисциплину со всеми ее последствиями на заводы, работающие на оборону, и на железные дороги, т.-е. «необходимо» их милитаризовать.

Итак, смертная казнь на фронте, смертная казнь в тылу, милитаризация заводов и железных дорог, превращение страны

в военный лагерь и, как венец всего, военная диктатура под председательством Корнилова, — вот, оказывается, какие цели преследовала компания заговорщиков.

Цели эти изложены были в особом «докладе», создавшем себе славу еще до московского совещания. Они встречаются в телеграммах и «записке» Корнилова, как «требования Корнилова».

Были ли известны эти «требования» правительству Керенского?

— Несомненно, да.

Согласно ли было правительство Керенского с Корниловым?

— Очевидно, да.

> «Подписав общий доклад о мерах по оздоровлению армии и тыла, уже подписанный гг. Савинковым и Филоненко,— говорит Корнилов, — доложил его частному совещанию временного правительства в составе гг. Керенского, Некрасова и Терещенко. По рассмотрении доклада мне было заявлено, что правительство соглашается на все предложенные мной меры, вопрос же об их осуществлении является вопросом темпа правительственных мероприятий».

То же самое говорит Савинков, заявляя 24 августа Корнилову, что «ваши требования будут удовлетворены временным правительством в ближайшие дни».

Были ли известны цели Корнилова партии народной свободы?

— Несомненно, да.

Согласна ли была она с Корниловым?

— Очевидно, да. Ибо центральный орган партии народной свободы, газета «Речь», открыто заявил, что он «вполне разделяет идеалы генерала Корнилова».

Наша партия была права, утверждая, что партия народной свободы есть партия буржуазной диктатуры.

Наша партия была права, утверждая, что правительство Керенского есть ширма для прикрытия такой диктатуры.

Теперь, когда корниловцы оправились от первого удара, стоящие у власти заговорщики снова заговорили о «поднятии боеспособности армии» и «оздоровлении тыла». Рабочие и солдаты должны помнить, что «поднятие боеспособности армии» и «оздоровление тыла» означает смертную казнь в тылу и на фронте.

* * *

Их путь. Их путь так же «прост и ясен», как цели. Это — искоренение большевизма, разгон Советов, выделение Петрограда в особое военное губернаторство, разоружение Кронштадта. Словом — разгром революции. Для этого понадобился 3-й конный корпус. Для этого понадобилась дикая дивизия.

Вот что говорит Савинков после обсуждения вместе с Корниловым вопроса об установлении границ петроградского военного губернаторства, обращаясь к Корнилову:

— «Таким образом, Лавр Георгиевич, ваши требования будут удовлетворены временным правительством в ближайшие дни; но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения. Вам, конечно, известно, что примерно 28 или 29 августа в Петрограде ожидается серьезное выступление большевиков. Опубликование ваших требований, проводимых через временное правительство, конечно, послужит толчком для выступления большевиков. Хотя в нашем распоряжении и достаточно войск, но на них мы вполне рассчитывать не можем. Тем более, что еще неизвестно, как к новому закону отнесется С. Р. и С. Д. Последний также может оказаться против правительства, и тогда мы рассчитывать на наши войска не можем. Поэтому прошу вас отдать распоряжение о том, чтобы 3-й конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и был предоставлен в распоряжение временного правительства. В случае, если кроме большевиков выступят и члены С. Р. и С. Д., то нам придется действовать и против них».

При этом Савинков сказал, что действия должны быть самые решительные и беспощадные. На это генерал Корнилов ответил, что он «иных действий и не понимает; раз будет выступление большевиков и С. Р. и С. Д., то таковое будет подавлено со всей энергией».

Для прямого выполнения этих мер начальнику 3-го конного корпуса и туземной дивизии, генералу Крымову, были даны Корниловым «две задачи»:

«1) В случае получения от меня (Корнилова) или непосредственно на месте известия о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград,

занять город, обезоружить части петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы.

2) По окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и, по прибытии туда, потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк.

Согласие министра-председателя на разоружение крепости Кронштадта и вывод его гарнизона последовало 8 августа, и доклад об этом морского генерального штаба с резолюцией министра-председателя был представлен начальнику штаба верховного главнокомандующего при письме адмирала Максимова».

Таков путь теплой компании заговорщиков против революции и ее завоеваний.

Правительство Керенского не только знало весь этот адский план, но само принимало участие в его выработке и вместе с Корниловым собиралось провести его в жизнь.

Савинков, тогда еще управляющий военным министерством, открыто заявляет об этом, при чем это его заявление, известное всем, никем еще не опровергалось.

Вот оно:

«Я считаю долгом для восстановления исторической точности заявить, что я, по поручению министра-председателя, просил у вас (у Корнилова) конный корпус для обеспечения проведения в жизнь военного положения в Петрограде и для подавления всяких попыток возмущения против временного правительства, откуда бы они ни шли...».

Кажется, ясно.

Знала ли о плане Корнилова партия кадетов?

— Несомненно, да.

Ибо центральный орган этой партии, газета «Речь», накануне корниловского восстания усиленно распространяла провокаторские слухи о «большевистском восстании», расчищая тем самым дорогу корниловскому вторжению в Петроград и Кронштадт.

Ибо представитель партии кадетов, г. Маклаков, «самолично» участвовал, как это видно из «записки» Корнилова, во всех переговорах между Савинковым и Корниловым о планах вторжения в Петроград. Насколько нам известно, Маклаков не занимал тогда никакого официального поста при или во временном правительстве, — в качестве кого же мог он участвовать в этих переговорах, как не в качестве представителя своей партии?

Таковы факты.

Наша партия была права, утверждая, что правительство Керенского есть правительство буржуазной контр-революции, опирающейся на корниловщину и отличающейся от последней лишь некоторой «нерешительностью».

Наша партия была права, утверждая, что идейные и политические нити контр-революции сходятся в центральном комитете партии кадет.

Если контр-революционный план питерских и могилевских заговорщиков не удался, то в этом надо винить не Керенского и Корнилова, или Милюкова и Савинкова, а те самые Советы, «разогнать» которые собирались они, но устоять против которых оказались они не в силах.

Теперь, когда корниловцы оправились, прокравшись к власти при помощи соглашателей, вопрос о борьбе с Советами снова ставится на очередь. Рабочие и солдаты должны помнить, что если они не поддержат Советы в их борьбе против правительства корниловцев, они рискуют попасть под железную пяту военной диктатуры.

* * *

Диктатура империалистской буржуазии. Что такое «коллективная диктатура», установить которую сговорились заговорщики против революции, Корнилов и Милюков, Аладьин и Филоненко, Керенский и кн. Львов. Родзянко и Савинков? В какие политические формы хотели они облечь эту диктатуру?

Какие политические учреждения считали они необходимыми для того, чтобы поставить и наладить «коллективную диктатуру»? Предоставим слово документам.

«Ген. Корнилов спросил Филоненко, не считает ли он, что единственным выходом из создавшегося тяжелого положения может быть только провозглашение военной диктатуры.

Филоненко ответил, что, мысля о диктатуре реально, при теперешней обстановке, может себе представить ее лишь в лице ген. Корнилова. Против единоличной диктатуры Филоненко выдвинул такое возражение: сам ген. Корнилов не обладает достаточным знанием политической обстановки, и потому при его диктатуре воцарилось бы то, что принято называть камарильей. Демократические и республиканские круги должны будут пойти против этого и, следовательно, против единоличной диктатуры.

Ген. Корнилов. Что же делать, когда правительство не принимает никаких мер?

Филоненко. Выход может быть найден в образовании директории. Из состава правительства необходимо выделить малый военный кабинет, в который должны войти люди исключительной силы воли, при непременном участии в этом кабинете, который может быть назван «советом народной обороны» или как-либо иначе — дело не в названии, — Керенского, ген. Корнилова и Савинкова. Этот малый кабинет должен поставить своей первейшей задачей оборону страны. В таком виде проект директории должен быть принят правительством.

Корнилов. Вы правы. Необходима директория, и как можно скорее...» («Новое Время».)

И дальше:

«Был набросан проект «совета народной обороны», с участием верховного главнокомандующего в качестве председателя, А. Ф. Керенского — министра-заместителя, г. Савинкова, ген. Алексеева, адмирала Колчака и г. Филоненко. Этот совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру, так как установление единоличной диктатуры было признано нежелательным». («Общее Дело».)

Итак, директория — вот та политическая форма, в которую должна была облечься «коллективная диктатура» Корнилова — Керенского.

Теперь ясно для всякого, что, создавая директорию после неудавшегося корниловского «мятежа», Керенский проводил иными средствами т у ж е с а м у ю к о р н и л о в с к у ю д и к т а т у р у.

Теперь ясно для всякого, что, высказываясь на известном ночном заседании за директорию Керенского, престарелый ЦИК голосовал за контр-революционный план генерала Корнилова.

Теперь ясно для всякого, что, защищая с пеной у рта директорию Керенского, мудрецы из «Дела Народа», сами того не замечая, предавали революцию, на радость явным и скрытым корниловцам.

Наша партия была права, утверждая, что директория есть замаскированная форма диктатуры контр-революции.

Но на одной директории «далеко не уедешь». Мастера контр-революции не могли не понимать, что «править» страной, вкусившей плоды демократизма, при помощи одной лишь директории, без какого-нибудь «демократического» прикрытия — нельзя. «Коллективная диктатура» в форме директории — да! Но зачем ее оголять? Не лучше ли прикрыть ее каким-нибудь «предпарламентом»? Пусть живет и болтает «демократический предпарламент», — лишь бы государственный аппарат находился в руках директории! Известно, что стряпчий Корнилова г. Завойко, агент неизвестной фирмы в Лондоне г. Аладьин и друг Милюкова «сам» Корнилов — первые выдвинули проект «предпарламента», как опоры и ширмы директории, «ответственной» (не шутите!) перед этим «предпарламентом».

Предоставим слово документу.

> «Настаивая на создании директории, ген. Корнилов и его окружающие не мыслили ее вне ответственности перед страною.
>
> М. М. Филоненко является одним из наиболее убежденных сторонников выдвинутого Аладьиным проекта о представительном органе, перед которым до созыва учредительного собрания правительство должно быть безусловно ответственным.
>
> В этот представительный орган, по мысли Аладьина, должны были войти 4-я государственная дума (без правого крыла и с исключением всех ее бездеятельных членов), левые

элементы первых трех дум, делегация от Центрального Исполнительного Комитета С. Р. и С. Д. (без ограничения представительства от партий) и 10 — 20 наиболее видных революционных деятелей, как: Брешко-Брешковская, Кропоткин, Фигнер и др., кооптированных в состав представительного органа самим органом. Таким образом, идея «предпарламента» возникла впервые у А. Ф. Аладьина». («Новое Время».)

Итак, «предпарламент» — вот тот «представительный орган», который должен был составить «демократическую» опору для «коллективной диктатуры» Корнилова—Керенского.

«Предпарламент», как орган, перед которым «ответственно» правительство «до созыва» учредительного собрания; «предпарламент», который будет заменять учредительное собрание до созыва последнего; «предпарламент», который заменяет учредительное собрание, если созыв последнего отсрочивается; «предпарламент», который дает «юридическое» основание» (ликуйте, юристы!) отсрочить созыв учредительного собрания; «предпарламент», как средство срыва учредительного собрания, — в этом весь смысл контр-революционного «демократизма» заговорщиков против революции.

Теперь ясно для всякого, что, «санкционируя» созываемый через два дня корниловский «предпарламент», Керенский лишь исполняет иными средствами тот же самый контр-революционный план заговорщиков революции.

Теперь ясно для всякого, что, организуя «предпарламент» и совершая для этого ряд подлогов, Авксентьевы и Даны работали на явных и скрытых корниловцев, против революции и ее завоеваний.

Теперь ясно для всякого, что, крича об учредительном собрании и укрепляя в то же время корниловский «предпарламент», мудрецы из «Дела Народа» работают на срыв учредительного собрания.

Ученики Корнилова — это все, на что оказались способными «ответственные» болтуны на «демократическом совещании» — Церетели и Черновы, Авксентьевы и Даны.

* * *

Первый вывод. Из рассмотренных выше документов видно, что «в деле Корнилова» мы имеем дело не с «мятежом» против временного правительства и не с простой «авантюрой» честолюбивого генерала, а с форменным заговором против революции, с заговором, организованным и строго продуманным.

Организаторы и вдохновители заговора: контр-революционная часть генералитета, представители партии кадет, представители московских «общественных деятелей», наиболее «посвященные» члены временного правительства и — не последние по значению! — некие представители некиих посольств (о них «записка» Корнилова умалчивает). Все те, которые с «восторгом» встречали Корнилова на московском совещании, как «признанного вождя России».

«Заговор Корнилова» есть заговор империалистской буржуазии против революционных классов России, против пролетариата и крестьянства.

Цель заговора: разгром революции и установление диктатуры империалистской буржуазии. Были разногласия между заговорщиками, но разногласия мелкие, количественные. Выражались они в «темпе правительственных мероприятий»: Керенский хотел действовать осторожно и с оглядкой, а Корнилов «пёр напрямик». Но в основном все они сходились: установление диктатуры империалистской буржуазии в виде «коллективной диктатуры» директории, прикрытой для обмана простаков «демократическим» предпарламентом.

В чем состоит характерная черта диктатуры империалистской буржуазии?

Прежде всего в том, что такая диктатура есть господство воинствующего и эксплоатирующего меньшинства над трудящимся и жаждущим мира большинством. Прочтите «записку» Корнилова, пересмотрите «переговоры» с членами правительства: там говорится о мерах для подавления революции, говорится о путях для укрепления буржуазного строя и продления империалистской войны, но нет там ни одного слова о крестьянах, требующих землю, о рабочих, требующих хлеба, о большинстве граждан, жаждущих мира. Более того, «записка» построена на том предположении, что необходимо держать массы в железных тисках, а бразды правления должны быть в руках кучки диктаторов.

Во-вторых, в том, что диктатура империалистской буржуазии есть диктатура закулисная, тайная, прикрытая, рассчитанная на обман масс. Познакомьтесь с «запиской» и поймете, с каким усердием старались гг. заговорщики скрыть свои черные планы и закулисные махинации не только от масс, но и от своих сослуживцев и партийных «друзей». Для обмана масс был состряпан план «демократического» предпарламента, ибо о каком демократизме может быть речь при смертной казни в тылу и на фронте? Для обмана масс была сохранена «российская республика», ибо о какой республике может быть речь при всевластии группки из пяти диктаторов!

Наконец, в том, что диктатура империалистской буржуазии есть диктатура, опирающаяся на насилие над массами. Никакой другой, «верной» опоры, кроме систематического насилия над массами, нет и не может быть у такой диктатуры. Смертная казнь в тылу и на фронте, милитаризация заводов и железных дорог, расстрелы — таков арсенал этой диктатуры. «Демократический» обман, подкрепляемый насилием; насилие, прикрываемое «демократическим» обманом, — таковы альфа и омега диктатуры империалистской буржуазии.

Заговорщики хотели установить в России такую именно диктатуру.

* * *

Второй вывод. Мы далеки от того, чтобы усматривать причину заговора в злой воле отдельных героев. Мы также далеки от того, чтобы объяснять заговор властолюбием его инициаторов. Причины контр-революционного заговора кроются глубже. Их нужно искать в условиях империалистской войны. Их нужно искать в потребностях этой войны. Политика наступления на фронте, усвоенная в июне месяце временным правительством, — вот где нужно искать основу, подготовившую заговор контр-революционеров. Везде, во всех воюющих государствах, политика наступления в атмосфере империалистской войны вызывала необходимость упразднения свобод, введения военного положения, установления «железной дисциплины», ибо при максимальных свободах немыслимо безнаказанно гнать массы

в бойню, затеянную хищниками мира. Россия не могла быть в этом отношении исключением.

Под давлением империалистских клик, отечественных и союзных, в июне провозглашается наступление на фронте. Солдаты отказываются молча итти в наступление. Начинается расформирование полков. Эта мера оказывается недействительной. Армия признается в виду этого «небоеспособной». В интересах «поднятия боеспособности» армии Корнилов (и не только Корнилов!) требует закона о смертной казни на фронте, запретив предварительно митинги и собрания солдат. Солдаты и рабочие в тылу протестуют против этого, поощряя возмущение солдат на фронте. В ответ на это фронтовые генералы при поддержке буржуазии требуют распространения смертной казни в тылу, милитаризации заводов и железных дорог. План диктатуры и заговор являются лишь логическим развитием этих мер. Такова краткая история «восстановления железной дисциплины» и развития контр-революции, картинно изложенная в «записке» Корнилова. Контр-революция пришла с фронта, возникнув на почве потребностей наступления в условиях империалистской войны. Заговор имел целью организовать и оформить уже имевшуюся контр-революцию, распространив ее на всю Россию.

Третьеиюньские зубры царской думы знали, что делали, когда требовали еще в начале июня «немедленного» наступления в тесном общении с союзниками. Они, испытанные дельцы контр-революции, знали, что политика наступления неизбежно повлечет за собой контр-революцию.

Наша партия была права, предупреждая тогда в своем заявлении на съезде Советов, что наступление на фронте грозит революции смертельной опасностью.

Вожди оборончества, отклонившие заявление нашей партии, лишний раз доказали свою политическую незрелость и идейную зависимость от империалистской буржуазии.

Что же из этого следует?

Вывод один. Рассматриваемый заговор есть продолжение контр-революции, возникшей из потребностей империалистской войны и политики наступления. Пока есть эта война и такая политика — будет и опасность контр-революционных заговоров. Для того, чтобы оградить революцию от такой опасности — нужно

прекратить империалистскую войну, нужно уничтожить возможность политики наступления, нужно завоевать демократический мир.

* * *

Третий вывод. Корнилов и его «сообщники» арестованы. Организованная правительством следственная комиссия ведет дело в «спешном порядке». Временное правительство изображает собой верховного судью. Корнилову и его «сообщникам» предоставлена роль «мятежников». Публике из «Речи» и «Нового Времени» — роль защитников Корнилова. «Суд будет интересный» — говорят любители новостей. «Суд даст много важных разоблачений» — глубокомысленно замечает «Дело Народа». Против кого мятеж? Конечно, против революции! Где же она, революция? Конечно, во временном правительстве, ибо мятеж поднят против временного правительства. Из кого же состоит эта самая революция? Из «неизменного» Керенского, из представителей партии кадет, из представителей московских «общественных деятелей» и из одного сэра, стоящего за спиной этих джентльменов. Первый голос: «Но там не хватает Корнилова?». Второй голос: «При чем же тут Корнилов? Ему велено сидеть на скамье подсудимых»...

Опустим, однако, занавес. Корнилов действительно организовал заговор против революции. Но он был не один. У него были вдохновители в лице Милюкова и Родзянко, в лице Львова и Маклакова, в лице Филоненко и Набокова. У него были сотрудники в лице Керенского и Савинкова, в лице Алексеева и Каледина. Разве это сказка, что эти и подобные им джентльмены спокойно гуляют теперь на свободе, и не только гуляют на свободе, но и «правят» страной по конституции «самого» Корнилова? У Корнилова была, наконец, поддержка со стороны русской и англо-французской империалистской буржуазии, во имя интересов которых «правят» теперь страной все эти корниловские сотрудники. Разве не ясно, что суд над одним Корниловым является жалкой и смешной комедией? С другой стороны, как привлечь к суду империалистскую буржуазию, эту главную виновницу заговора против революции? Мудрые ремесленники из министерства юстиции,—разрешите!

Дело, очевидно, не в комедийном суде. Дело в том, что после корниловского выступления, после громких арестов и «строгого» следствия, власть снова «оказалась» целиком и без остатка в руках корниловцев. То, чего добивался Корнилов силой оружия, постепенно, но неуклонно проводится в жизнь стоящими у власти корниловцами, хотя и иными средствами. Даже корниловский «предпарламент» ввели в жизнь.

Дело в том, что после благополучной «ликвидации» заговора против революции мы снова «оказались» во власти штаба заговорщиков, того же Керенского и Терещенко, тех же представителей партии кадет и «общественных деятелей», тех же сэров и сэро-подобных генералов. Нехватает Корнилова, но чем хуже Корнилова сэр Алексеев, без которого не обходится ни одно важное государственное дело и который собирается, оказывается, представлять на конференции Согласия не то Россию, не то Англию?

Дело в том, что терпеть дальше это «правительство» заговорщиков нельзя.

Дело в том, что доверять этому «правительству» заговорщиков нельзя без риска подвергнуть революцию смертельной опасности новых заговоров.

Да, суд нужен над заговорщиками против революции. Но суд не комедийный и фальшивый, а действительный и народный. Суд этот состоит в том, чтобы лишить власти империалистскую буржуазию, во имя интересов которой подвизается нынешнее «правительство» заговорщиков. Суд этот состоит в том, чтобы произвести коренную чистку власти снизу доверху от корниловских элементов.

Выше мы говорили, что без окончания империалистской войны и завоевания демократического мира невозможно оградить революцию от заговоров контр-революции. Но пока у власти стоит нынешнее «правительство», нельзя и мечтать о демократическом мире. Для того, чтобы добиться такого мира, надо «снять» эту власть и «поставить» новую.

Для этого нужно передать власть в руки новых революционных классов — в руки пролетариата и революционного крестьянства. Для этого нужно сосредоточить власть внутри массовых революционных организаций, внутри советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Эти классы и эти организации, и только они, спасли революцию от заговора. Они же обеспечат ей победу.

В этом и будет состоять суд над империалистской буржуазией и ее агентами — заговорщиками.

[«Рабочий Путь», №№ 27, 28 и 30, 4(17), 5(18) и 7(20) октября 1917 г. За подписью К. Сталин.]

* * *

Н. И. БУХАРИН.

ВПЕРЕД!

Русская революция как будто сделала остановку в своем развитии. После бурного периода наступило время относительного спокойствия. Однако в этой зловещей тишине уже слышится шум новых битв и новых столкновений.

Если останавливаться исключительно на поверхности явлений, тогда можно было бы утверждать, что все конфликты улажены и все острые углы стерты.

В самом деле, у власти стоит «облеченное доверием» коалиционное министерство, где на ряду с отпрыском сахарных синдикатчиков Терещенко сидит бывший политический каторжанин И. Г. Церетели. Г. Керенский объезжает фронты и тыл, и повсюду его целуют, благословляют и выносят на руках. Словом, все происходит таким образом, как в назидательной пьесе, где порок наказан, а добродетель торжествует.

На самом деле, однако, в глубине народных масс происходит процесс непрерывного брожения, которое рано или поздно даст о себе знать.

Новое временное правительство, несмотря на вхождение меньшевиков и народников, по существу дела продолжает политику старого. Фактически Церетели, Скобелев и Чернов запутываются в тех сетях, которые поставил им российский империализм. И в области политики внешней (вопрос о войне и мире), и в области политики внутренней (борьба с хозяйственной разрухой и надвигающимся голодом) «коалиционное министерство» идет по той же проторенной дорожке, по какой шло правительство Милюкова — Коновалова.

В области внешней политики империалистское большинство министерства явным образом тащит за собой якобы социалистическое меньшинство. В то время, как Церетели и Чернов убеждают российскую публику, что все обстоит благополучно, министр иностранных дел Терещенко целиком продолжает политику Милюкова, заявляя «союзникам» о «сохранении всех старых обязательств». Тайные договоры не только не опубликованы, но остаются основной пружиной, которая двигает дальше дело мирового убийства. Совсем недавно итальянское правительство объявило торжественно о «независимости» Албании под протекторатом Италии, т.-е. о присоединении Албании к Италии. Первый акт «самоопределения» народов уже сделан: Италия уже ограбила под этим соусом Балканы. Можно себе представить, каковы аппетиты у более крупных хищников, в роде Англии! Тем не менее русские рабочие и крестьяне посылаются в наступление для того, чтобы способствовать этому грабежу, ибо нужно же сохранять священные обязательства, данные Николаем английским, французским, японским и иным банкирам!

Обязательства эти (обязательства перед банкирами) считаются настолько священными, что г. Набоков, представитель русского правительства в Лондоне, счел даже удобным заявить о необходимости для русского народа поступиться рядом свобод ради продолжения войны!

Таким образом мы попрежнему имеем, вместо правительства мира, правительство активной империалистской политики, где роль трубача играет г. Керенский, вдохновляющий к наступлению.

Не лучше обстоит дело и с внутренней политикой коалиционного правительства. Вместо ряда решительных мероприятий, клонящихся к обузданию капиталистов и к организации расстроенного народного хозяйства, правительство прибегает к созданию тысячи и одной комиссии, а в области финансов — к старому средству: расширяет право выпуска все новых и новых гор бумажных денег, которые еще сильнее обесценивают русский рубль и обостряют дороговизну.

А между тем хозяйственная разруха принимает все более грозные размеры. Нехватает топлива, металлов, хлеба. Транспорт расстроен вконец. Начинает закрываться одно предприятие за другим. Капиталисты сознательно усиливают разруху, свали-

вая вину на рабочих с их якобы непомерными требованиями. Государственная казна в плачевнейшем состоянии: бремя чудовищных государственных долгов и царство бумажных денег, теряющих всякую ценность, — вот что представляют из себя государственные финансы.

Все яснее становится, что правительство, стоящее за войну, не может спасти страну от грозящей гибели. Ибо война все туже и туже затягивает петлю на шее русского народа, ведет за собой голод и полное обнищание.

Таким образом подготовляется переход власти к представителям рабочих и солдат. Это — единственная сила, которая может вывести страну из того поистине ужасного положения, в котором она находится.

Чем вероятнее становится переход власти в руки пролетариев и бедняков деревни, тем ожесточеннее делается борьба буржуазии с левым социалистическим течением (большевиками), которое ясно и определенно требует этого перехода. Вся капиталистическая буржуазия переходит на положение, которое раньше занимали черносотенные помещики, а политические выразители интересов финансового капитала и империализма, кадеты, по своей тактике и по приемам борьбы стали удивительно смахивать на блаженной памяти деятелей союза русского народа. Такая перемена более чем понятна. Раньше речь шла лишь о том, чтобы была изменена форма политического строя. Теперь речь идет о том, чтобы рабочие, захвативши вместе с деревенской беднотой власть в свои руки, поставили под свой контроль производство и сократили или уничтожили прибыли капиталистов. Немудрено, что класс капиталистических собственников мобилизует все свои силы. Под лозунгом борьбы с «анархией» буржуазия организует борьбу с революцией. Ходом революции наши либералы-империалисты отброшены на крайний правый фланг. Вот почему образовался блок между всеми фракциями буржуазии, которая идет сейчас сомкнутым строем против рабочего класса.

Борьба за власть между буржуазией, желающей сейчас подавить революцию и вести войну «до победного конца», и рабочими, которые хотят положить конец войне и привести в порядок ослабевшее хозяйство России, осложняется тем, что мелкая буржуа-

зия и отчасти крестьянство тащатся за финансовым капиталом. Поскольку их представители — меньшевики и народники — идут на соглашение с империалистами России, а косвенно с империалистами союзных стран, постольку борьба пролетариата затрудняется. Однако опыт самой жизни все более и более открывает глаза полупролетарским элементам города и деревни, и они начинают понимать, что вне мира между народами и вне борьбы с буржуазией нет спасения.

Поэтому все время нарастают недовольство теперешним положением вещей и сознание необходимости перехода всей власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов.

Этот переход д о л ж е н совершиться. Но в наследство новой власти останется вконец разоренное и истощенное хозяйство, которое продолжают разорять сторонники войны. С заключением мира временно сюда присоединится и разруха, которую, по всей вероятности, вызовет перевозка миллионных армий с фронта: всех нужно будет доставить, а вагонов нет; всех нужно будет накормить, а на станциях ничего нет; всем нужно будет найти места, и т. д., и т. д. А сюда присоединяется еще поток беженцев и военнопленных... Словом, задачи, которые выпадут на долю Советам, ставшим у власти, громадны.

К выполнению этих задач нужно готовиться уже сейчас. Только организация всех сил, имеющихся у пролетариата, может выполнить эти задачи. Нужно покрыть всю страну тысячами различных организаций: повсюду должны быть основаны советы рабочих, солдатских, батрацких и крестьянских депутатов; в городских думах должны быть организованы сильные рабочие группы, имеющие большинство; все рабочие должны быть организованы в профессиональные союзы; необходимы союзы техников и банковских служащих. Коротко говоря, необходим весь тот аппарат, который мог бы взять в свои руки громадную, сложную и ответственную работу контроля и управления всем крупным производством страны.

Прекращение войны и возвращение к производительному труду миллионов оторванного от станков и плугов населения, уничтожение государственного долга путем отказа от его уплаты, наконец, организация рабочего контроля и управления над крупным производством и финансирующими это про-

изводство банками — так, и т о л ь к о так, может быть решен вопрос.

Буржуазия стремится сейчас задушить революцию. Пролетариат должен продолжать ее. Буржуазия стремится сейчас анархически дезорганизовать и разрушить хозяйство страны. Рабочий класс должен организовать его. Буржуазия хочет превратить еще несколько миллионов живых и цветущих людей в горы гнилого мяса. Пролетарии хотят прекратить бойню. Буржуазия выступает как сила, несущая смерть и разложение. Пролетариат, как носитель животворящей энергии, идет в п е р е д.

[«Спартак», № 2 за 1917 год. За подписью Н. Б.]

* * *

II.

КАНУН ОКТЯБРЯ.

«...Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции поставлено на карту.
Кризис назрел...»

Из статьи: «Кризис назрел».
В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 266.

В. И. ЛЕНИН.

КРИЗИС НАЗРЕЛ.

1.

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт — в Германии, Адлер — в Австрии, Маклин — в Англии — таковы наиболее известные имена этих героев-одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой, — Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало **военных восстаний** в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки **кануна революций в мировом масштабе.**

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разроз-

нены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать — и в этом было главное для пресечения массовой заразительности мятежнических действий. Наконец, назрело и такое движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военно-каторжного режима, не удалось.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне большинство народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II.

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет крестьянское восстание. Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство измены демократизму и революции, правительство империалистской бойни, правительство охраны капиталистов и помещиков от народа.

В России, благодаря обману эсерами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди официальной эсеровской партии, той самой, которая все

время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на своей стороне, той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эсеров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции, — эти вожди официальной эсеровской партии пишут... 29 сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«... Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во временное правительство и даже прошедший через такое чистилище, как юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эсеры! Подумайте только: сторонники коалиции вынуждены признать, что через 7 месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эсеры вынуждены назвать столыпинцами своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эсеры, терпящие Керенского, стали противонародной, противокрестьянской, контр-революционной партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского — эсера, Никитина и Гвоздева — меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания военными мерами республиканского правительства!

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа прави-

тельства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III.

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране, после 7 месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контр-революционных сил к «последней черте».

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «демократическом» совещании, подтасованном господином Церетели и К°, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя выше курии советов рабочих и солдатских депутатов по проценту голосов, поданных против коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще, и украинских войск в частности, с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный откол от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, не-большевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т.-е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ру-

чаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна — это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, — это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70 проц. в июне падают до 18 проц. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 проц. до 30 проц., но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эсеров и «правых» меньшевиков. А «Русск. Вед.» говорят, что а б с о л ю т н о е число голосов за кадетов понизилось с *67 до 62* тысяч. Только у большевиков число голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 проц. всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в советах, и в армии, и в с т р а н е, — в этом ни тени сомнения быть не может.

К числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством, при чем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» министром Никитиным, а официальные эсеры называют Керенского и К° «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эсерами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV.

Да, вожди ЦИК ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики,

если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в созыв У. С., «ожидания» съезда Советов и т. п., — нет сомнения, что такие большевики оказались бы жалкими изменниками пролетарскому делу.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в деле.

Ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое даже «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит губить всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если доведено до восстания, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!! Ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент — значит дать подделать выборы в У. С. совершенно так же — и еще хуже, грубее, — как подделали «демократическое совещание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел...

[«Рабочий Путь», № 30, 7 октября 1917 г. — В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 261.]

* * *

В. И. ЛЕНИН.

ПИСЬМО В ПК и МК РСДРП (б).

Дорогие товарищи!

События так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением.

Аграрное движение растет, правительство усиливает дикие репрессии. В войске симпатии к нам растут (99% голосов солдат за нас в Москве; финляндские войска и флот против правительства; свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве — 47% б-ков — гигантская победа. С левыми эсерами явное большинство в стране.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством. Либерданы вместо съезда на 20 октября говорят уже о съезде в 20 числах, и т. д., и т. д.

При таких условиях «ждать» — преступление.

Большевики не в праве ждать съезда советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и против нас объединятся), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотни тысяч людей на войне.

Медлить — преступление. Ждать съезда советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо итти на восстание тотчас. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу, — агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: мир мы предложим завтра, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). Землю крестьянам — тотчас, уступки железнодорожникам и почтовым служащим — тотчас и т. д.

Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска идут на Питер.

Если даже у Керенского есть под Питером 1 — 2 корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть — советам, земля — крестьянам, мир — народам, хлеб — голодным.

Победа обеспечена, и на $^{9}/_{10}$ шансы, что бескровно.
Ждать — преступление перед революцией.

Привет.

Н. Ленин.

[Написано в начале октября 1917 г. Из архива ЦК РКП (б).]
[В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 266.]

* * *

В. И. ЛЕНИН.

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО.

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9-го были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими советами постороннего на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплоатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненной особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство»,

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики — Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое, наступление на Питер, непременно и извне и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков и т. д.).

Комбинировать наши 3 главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) жел.-дор. станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях. Напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерской школы, телеграфа, телефона и прочее) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от 2—3 дней борьбы.

[Написано 8 октября 1917 года. Опубликовано в «Правде» № 250, 7 ноября 1920 г., за подписью «Посторонний».]

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. II, стр. 269—271.

★ ★ ★

В. И. ЛЕНИН.

ПИСЬМО К ДЕЛЕГАТАМ-БОЛЬШЕВИКАМ СЕВЕРНОГО ОБЛАСТНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ *.

Товарищи! Наша революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии ложится гигантская задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистического пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно.

Взгляните на международное положение. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине. Но важнее всего восстание в немецком флоте. Надо представить себе неимоверные трудности революции в такой стране, как Германия, да еще при теперешних условиях. Невозможно сомневаться, что восстание в германском флоте означает великий кризис нарастания мировой революции. Если наши шовинисты, проповедующие поражение Германии, требуют

* Настоящее письмо тов. Ленина было размножено фракцией съезда в 3—4 экземплярах.

от ее рабочих восстания сразу, то мы, русские революционеры-интернационалисты, знаем по опыту 1905—1917 годов, что более внушительного признака нарастания революции, чем восстание в войсках, нельзя себе и представить.

Подумайте, в каком положении оказываемся мы теперь перед немецкими революционерами. Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, открыто выясняющей необходимость революции, у нас нет свободы собраний. У нас нет ни одного совета рабочих или солдатских депутатов. Наш голос едва-едва доходит до настоящих широких масс. И мы сделали попытку восстания, имея какой-нибудь один шанс из сотни. А вы, русские революционные интернационалисты, имеете за собой полгода свободной агитации, вы имеете десятка два газет, вы имеете целый ряд советов рабочих и солдатских депутатов, вы победили в совете обеих столиц, на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии, — и вы не отвечаете на наш призыв к восстанию, вы не свергнете вашего империалиста Керенского, имея 99 шансов из ста за победу вашего восстания.

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях, на такой призыв немецких революционеров ответим т о л ь к о... резолюциями.

Добавьте к этому, что мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе. Вот что особенно обостряет кризис мировой социалистической революции, вот что делает особенно опасным, — я почти готов сказать: преступным, — с нашей стороны — промедление с восстанием.

Возьмите далее внутреннее положение России. Крах мелкобуржуазно-соглашательских партий, выразивших бессознательное доверие масс к Керенскому с империалистами вообще, назрел вполне. Крах полный. Голосование советской курии на демократическом совещании против коалиции; голосование б о л ь ш и н с т в а местных советов крестьянских депутатов (вопреки их

Центральному Совету, где сидят Авксентьевы и другие друзья Керенского) против коалиции; выборы в Москве, где рабочее население наиболее близко к крестьянству и где более 49% голосовало за большевиков (а среди солдат 14 тысяч из 17 тысяч),— разве это не полный крах доверия народных масс к Керенскому и соглашателям с Керенским и К°? Разве можно себе представить, чтобы народные массы как-нибудь яснее еще, чем этим голосованием, могли сказать большевикам: ведите нас, мы пойдем за вами.

А мы, получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных совета, будем ждать. Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам, войдя, таким образом, прямо или косвенно, открыто или прикрыто в заговор и с Бьюкененом и с Вильгельмом для полного удушения русской революции?

Мало того, что народ московским голосованием и перевыбором советов выразил доверие к нам. Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции, как кричат кадеты и их подголоски, а упадок веры в революцию и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что и большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели действовать после выражения нами доверия к ним...

По всей стране разгорается крестьянское восстание. Яснее ясного видно, что кадеты и кадетские прихвостни всячески умаляют его, сводят к «погромам» и «анархии». Эта ложь разрушается тем, что землю начали в центрах восстания передавать крестьянам: никогда еще «погромы» и «анархии» к таким превосходным политическим результатам не приводили. Громадную силу крестьянского восстания доказывает то, что и соглашатели и эсеры в «Деле Народа» и даже Брешко-Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не переросло им через голову.

А мы будем ждать, не удастся ли казачьим частям корниловца Керенского (как раз в последнее время самими эсерами разоблаченного в корниловщине) подавить по частям это крестьянское восстание?

Повидимому, многие руководители нашей партии не заметили *особого* значения того лозунга, который все признали и повторяли без конца. Этот лозунг: «Вся власть советам». Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг *не* означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносилен призыву к восстанию*.

На этот счет не может быть и тени сомнения. «Дело Народа» недавно «популярно» объяснило это, сказав: «Ни в коем случае Керенский не подчинится!» Еще бы!

Лозунг «Вся власть советам» есть не что иное, как призыв к восстанию. И вина ляжет на нас всецело и безусловно, если мы, месяцами звавшие массы к восстанию, к отказу от соглашательства, не поведем эти массы на восстание накануне краха революции, после того как массы выразили нам доверие.

Кадеты и соглашатели запугивают примером 3—5 июля, ростом черносотенной агитации и т. п. Но 3—5 июля если и была ошибка, то только та, что мы не взяли власти. Я думаю, этой ошибки не было тогда, ибо тогда мы *еще* не были в большинстве, а теперь это было бы роковой ошибкой, и хуже, чем ошибкой. Рост черносотенной агитации понятен, как обострение крайностей в атмосфере нарастающей пролетарско-крестьянской революции. Но делать из этого довод *против* восстания смешно, ибо бессилие черносотенцев, подкупленных капиталистами, *бессилие черной сотни в борьбе* не требует даже и доказательств. В борьбе это прямо ноль. В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на дикую дивизию да на казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне.

Я пишу эти строки в воскресенье, 8 октября; вы прочтете их не раньше 10 октября. Я слышал от одного проезжего товарища, что проезжающие по варшавской дороге говорят: Керенский ведет казаков в Питер! Вполне вероятно и будет прямой нашей виной, если мы *всесторонне* не проверим этого и не *изучим* силы и распределения *корниловских войск второго призыва*.

Керенский снова подвел корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти советам, чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли тотчас крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву! Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех.

Нельзя ждать Всероссийского Съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска. На Съезде Советов представлена Финляндия, флот и Ревель, которые, вместе взятые, могут дать немедленное движение к Питеру против корниловских полков, движение флота и артиллерии, и пулеметов, и 2—3 корпусов солдат, доказавших, например, в Выборге всю силу их ненависти к корниловским генералам, с коими опять снюхался Керенский.

Было бы величайшей ошибкой отказаться от возможности немедленно разбить корниловские полки второго призыва из-за того соображения, что Балтийский флот, уходя в Питер, откроет будто бы этим фронт немцам. Клеветники-корниловцы скажут это, как скажут всякую ложь вообще, но давать запугать себя ложью и клеветой недостойно революционеров. Керенский сдаст Питер немцам — вот что яснее ясного теперь; никакие заверения в обратном не устранят нашей полной уверенности в этом, вытекающем из всего хода событий и из всей политики Керенского.

Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть *советам обеих столиц*; эти советы тотчас предложат мир всем народам и выполнят этим свой долг перед немецкими революционерами, сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров международного империализма.

Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию. И такое движение имеет 99 шансов из ста привести в *несколько дней* к сдаче одной части казачьих войск, к полному

разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение.
Промедление смерти подобно!
Лозунг «Вся власть советам» есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя. А к восстанию надо уметь отнестись как к искусству,— я настаивал на этом во время демократического совещания и настаиваю теперь, ибо этому учит марксизм, этому учит все теперешнее положение в России и во всем мире.
Дело не в голосованиях, не в привлечении «левых эсеров», не в добавлении провинциальных советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое могут и должны решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг, Ревель. Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее. Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.
Промедление смерти подобно!

Н. Ленин.

[8 октября 1917 года.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

В первые дни революции лозунг «Вся власть советам» был новинкой. В апреле «власть советов» впервые противопоставляется власти временного правительства. Большинство в столице пока еще за временное правительство без Милюкова — Гучкова. В июне этот лозунг получает демонстративное признание громадного большинства рабочих и солдат. Временное правительство уже изолировано в столице. В июле вокруг лозунга «Вся власть

советам» вспыхивает борьба между революционным большинством столицы и правительством Львова — Керенского. Соглашательский ЦИК, опираясь на отсталость провинции, переходит на сторону правительства. Борьба решается в пользу правительства. Сторонники Советской власти объявляются вне закона. Наступает мертвая полоса «социалистических» репрессий и «республиканских» тюрем, бонапартистских подсиживаний и военных заговоров, расстрелов на фронте и «совещаний» в тылу. Это до августа. В конце августа картина резко меняется. Корниловское восстание вызывает напряжение всех сил революции. Советы в тылу и комитеты на фронте, умершие было в июле — августе, теперь «вдруг» оживают. И, ожив, берут власть в свои руки в Сибири и на Кавказе, в Финляндии и на Урале, в Одессе и Харькове. Без этого, без взятия власти, революция была бы разгромлена. Так, «власть советов», провозглашенная в апреле «маленькой группой» большевиков в Питере, в конце августа получает почти всеобщее признание революционных классов в России.

Теперь ясно для всех, что «власть советов» не только популярный лозунг, но и единственно верное средство в борьбе за победу революции, единственный выход из создавшегося положения. Настал момент, когда лозунг «Вся власть советам» должен быть, наконец, претворен в жизнь.

Но что такое «власть советов» и чем она отличается от всякой иной власти?

Говорят, что передать власть советам — это значит составить «однородное» демократическое министерство, организовать новый «кабинет» из «социалистических» министров и, вообще, произвести «серьезное изменение» в личном составе временного правительства. Но это неверно. Дело здесь вовсе не в замене одних лиц временного правительства другими. Дело в том, чтобы хозяевами положения в стране стали новые, революционные классы. Дело в переходе власти в руки пролетариата и революционного крестьянства. Но для этого и перемена одного лишь правительства далеко еще не достаточна. Для этого необходимо прежде всего произвести коренную чистку во всех ведомствах и учреждениях правительства, изгнав отовсюду корниловцев, поставив везде преданных людей рабочего класса и крестьянства.

Только тогда и только в таком случае можно будет говорить о переходе власти к советам «в центре и на местах».

Чем объяснить известную всем беспомощность «социалистических» министров временного правительства? Чем объяснить тот факт, что эти министры оказались жалкими игрушками в руках людей, стоящих вне временного правительства. (Вспомните «доклады» Чернова и Скобелева, Зарудного и Пешехонова на «демократическом совещании»!) Прежде всего тем, что не они вели свои ведомства, а ведомства вели их. Тем, между прочим, что каждое ведомство составляет крепость, где до сих пор еще сидят бюрократы царского периода, обращающие благие пожелания министров в «звук пустой», готовые саботировать любое революционное мероприятие власти. Чтобы власть перешла к советам не на словах только, но и на деле, необходимо взять эти крепости и, изгнав оттуда слуг кадетско-царского режима, поставить на их место выборных и сменяемых, преданных делу революции работников.

Власть советам — это значит коренная чистка всех и всяких правительственных учреждений в тылу и на фронте, снизу доверху.

Власть советам — это значит выборность и сменяемость всех и всяких «начальников» в тылу и на фронте.

Власть советам — это значит выборность и сменяемость «представителей власти» в городе и в деревне, в армии и флоте, в «ведомствах» и «установлениях», на железных дорогах и в почтово-телеграфных учреждениях.

Власть советам — это значит диктатура пролетариата и революционного крестьянства.

Диктатура эта в корне отличается от диктатуры империалистской буржуазии, той самой, которую не так давно старались установить Корнилов и Милюков при благосклонном участии Керенского и Терещенко.

Диктатура пролетариата и революционного крестьянства, т.-е. диктатура трудящегося большинства над эксплоатирующим меньшинством, над помещиками и капиталистами, над спекулянтами и банкирами, во имя демократического м и р а, во имя рабочего к о н т р о л я над производством и распределением, во имя з е м л и для крестьян, во имя х л е б а для народа.

Диктатура пролетариата и революционного крестьянства, т.-е. диктатура открытая, массовая, осуществляемая на глазах у всех, без заговора и закулисной работы. Ибо такой диктатуре нечего скрывать, что локаутчикам-капиталистам, обостряющим безработицу путем разных «разгрузок», и банкирам-спекулянтам, взвинчивающим цены на продукты и создающим голод, — пощады не будет.

Диктатура пролетариата и крестьянства, т.-е. диктатура без насилий над массами, диктатура волею масс, диктатура для обуздания воли врагов этих масс.

Такова классовая сущность лозунга «Вся власть советам».

События внутренней и внешней политики, затяжная война и жажда мира, поражения на фронте и защита столицы, гнилость временного правительства и «переезд» в Москву, разруха и голод, безработица и истощение — все это неудержимо влечет революционные классы России к власти. Это значит: страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства.

Настал момент, когда революционный лозунг «Вся власть советам» должен быть, наконец, осуществлен.

[«Рабочий Путь», № 35, 13 (26) октября 1917 г., передовая без подписи.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

ЭКЗАМЕН НАГЛОСТИ.

Припертое к стене натиском революции, правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу.

Вчера еще сообщали во всеуслышанье («Известия»!), что правительство «переезжает» в Москву, считая положение столицы «неблагополучным». Вчера еще говорили открыто («комиссия по обороне»!) о «сдаче» Петрограда, при чем правительство требовало снятия пушек с подступов к столице. Вчера еще компаньон Керенского и Корнилова по заговору против революции, помещик Родзянко, приветствовал решение правительства о «сдаче», желая гибели Петрограду, флоту и Советам.

Вчера еще присоединялся к этому решению «Лондон», желая правительству скорого освобождения от Петрограда и флота.

Вчера еще все это было... А сегодня перепуганные временщики из правительства, в беспорядке отступая перед флотом и гарнизоном, непоколебимо решившими защищать столицу, путаясь и противореча друг другу, трусливо пытаются замазать факты, стараются оправдаться перед революцией, предать которую они собирались вчера столь неудачно и неловко.

При этом «категорическое» заявление Керенского об отсрочке «переезда» до весны опровергается столь же категорическим заявлением Кишкина о том, что некоторые правительственные учреждения «могут быть уже с е й ч а с перевезены» в Москву. А докладчик «комиссии по обороне» В. Богданов (отнюдь не большевик!), также категорически заявляет, что «со стороны правительства выяснилось ж е л а н и е о с т а в и т ь П е т р о г р а д, а в факте отъезда правительства широкие слои демократии увидели возможность с д а ч и П е т р о г р а д а» («Изв.»). Мы уже не говорим о том, что по сообщению вечерних газет, «сторонники отъезда временного правительства в Москву имели... п е р е в е с голосов» («Русские Ведомости»).

Жалкие, маленькие люди из временного правительства! Они, все время обманывавшие народ, — могли ли они рассчитывать на что-либо другое, кроме нового обмана масс, прикрыть которым стараются они свое беспорядочное отступление?

Но временщики не были бы временщиками, если бы они ограничивались обманом. Отступая и прикрываясь обманом, Керенский бросает ряд обвинений, кивая на нашу партию и разглагольствуя о «возрождении погромов» и «опасных врагах революции», о «шантаже» и «развращении масс», о «запачканных кровью невинных жертв руках» и пр.

Керенский говорит против «врагов революции», тот самый Керенский, который вместе с Корниловым и Савинковым устраивал заговор против революции и Советов, обманным путем подтягивая к столице третий конный корпус!..

Керенский говорит против «возрождения погромов», тот самый Керенский, который, повысив цены на хлеб, толкнул деревню на погромы и поджоги! Прочтите оборонческо-эсеровскую газету «Власть Народа» и судите сами:

> «Некоторые из наших корреспондентов пишут, что последние беспорядки следует поставить в связи с повышением

твердых цен. Новые цены сразу вызвали общее вздорожание жизни. Отсюда появились недовольство, озлобленность, излишняя нервность, в результате чего толпа легче чем прежде идет на погром!..» (№ 1440).

Керенский говорит против «развращения масс», тот самый Керенский, который загрязнил революцию и извратил ее чистые нравы, воскресив институты охранников и сыщиков с грязными Вонлярлярскими и Щукиными во главе!..

Керенский говорит против «шантажа», тот самый Керенский, весь режим которого является сплошным шантажем по отношению к демократии, который открыто шантажировал «демократическое совещание» несуществующим десантом на финляндских берегах, с успехом конкурируя с ген. Хабаловым!..

Керенский говорит против «забрызганных кровью невинных жертв рук», тот самый Керенский, руки которого действительно забрызганы невинной кровью десятков тысяч солдат, жертв авантюристского наступления на фронте в июне этого года!..

Говорят, что на свете все имеет свой предел. Но разве не ясно, что наглости буржуазных временщиков нет пределов?..

«Известия» сообщают, что члены «Совета Республики» встретили Керенского «продолжительными и шумными аплодисментами на всех скамьях». Ничего другого и не ожидали мы от лакейского предпарламента, выкинутого корниловщиной и крещеного Керенским.

Но пусть знают эти господа, пусть знают все, и те, которые втихомолку готовят репрессии против «левых», и те, которые авансом аплодируют этим репрессиям, — пусть знают они, что когда пробьет решительный час, все они одинаково ответят перед революцией, предать которую они хотят, но обмануть которую им не удастся.

[«Рабочий Путь», № 37, 15 [28] октября 1917 г. передовая, без подписи].

* * *

И. В. СТАЛИН.

«ОКРУЖИЛИ МЯ ТЕЛЬЦЫ МНОЗИ ТУЧНЫ».

Большевики дали клич—быть готовым! Вызван он обострением положения и мобилизацией сил контр-революции, которая хочет напасть на революцию, которая пытается обезглавить революцию, сдав столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выводя из нее революционную армию.

Но революционный клич, данный нашей партией, понят не всеми одинаково.

Рабочие поняли его «по-своему» и стали вооружаться. Они, рабочие, много прозорливее, очень многих «умных» и «просвещенных» интеллигентов.

Солдаты от рабочих не отстали. Вчера еще на собрании полковых и ротных комитетов столичного гарнизона громадным большинством постановили они грудью отстаивать революцию и ее вождя, Петроградский Совет, по первому зову которого обязуются они стать под ружье.

Так обстоит дело с рабочими и солдатами.

Не то с другими слоями.

Буржуазия знает, где раки зимуют. Она взяла да «без лишних слов» выставила пушки у Зимнего дворца, ибо у нее есть свои «прапорщики» и «юнкера», которых, надеемся, история не забудет.

Агенты буржуазии из «Дня» и «Воли Народа» открыли против нашей партии поход, «смешивая» большевиков с черными, усиленно допрашивая их о «сроке восстания».

Их подголоски, денщики Керенского, Бинасики и Даны, разразились воззванием, подписанным «ЦИК», призывая не выступать, допрашивая, подобно «Дню» и «Воле Народа», о «сроке восстания», приглашая рабочих и солдат пасть ниц перед Кишкиным и Коноваловым.

А перепуганным неврастеникам из «Новой Жизни» невмоготу стало, ибо они «не могут больше молчать» и умоляют нас сказать наконец: когда же выступят большевики.

Словом, если не считать рабочих и солдат, то поистине: «окружили мя тельцы мнози тучны», клевеща и донося, угрожая и умоляя, вопрошая и допрашивая.

Наш ответ.

О буржуазии и ее «аппарате»: с ними у нас разговор будет особый.

Об агентах и наймитах буржуазии: мы их посылаем к контрразведке,—там они могут «осведомиться», в свою очередь «осведомляя», кого следует, о «дне» и «часе» «выступления», маршрут которого составлен уже провокаторами из «Дня».

О Бинасиках, Данах и прочих денщиках Керенского, из Ц. И. Комитета: «героям», ставшим на сторону правительства Кишкина—Керенского против рабочих, солдат и крестьян,—мы отчета не даем. Но мы постараемся, чтобы они, эти герои штрейкбрехерства, ответили перед съездом, который вчера еще пытались они сорвать, но который сегодня вынуждены они созвать, отступая перед напором Советов.

Что касается неврастеников из «Новой Жизни», то мы плохо разбираемся, чего, собственно, хотят они от нас.

Если они хотят узнать о «дне» восстания, для того, чтобы заранее мобилизовать силы перепуганных интеллигентов, для своевременного... бегства, скажем, в Финляндию,—то мы можем их только... похвалить, ибо мы «вообще» за мобилизацию сил.

Если они спрашивают о «дне» восстания для того, чтобы успокоить свои «стальные» нервы, то уверяем их, что если бы даже был назначен «день» восстания и если бы большевики сообщили им об этом «на ухо», то от этого ни на грань не стало бы «легче» нашим неврастеникам: пошли бы новые «вопросы», истерика и пр.

Если они хотят просто произвести демонстрацию против нас, желая отмежеваться от нашей партии, то мы их можем опять же только похвалить: ибо, во-первых, этот разумный шаг, несомненно, будет зачтен им кем следует, после возможных «осложнений» и «неудач»; во-вторых, он внесет ясность в сознание рабочих и солдат, которые поймут, наконец, что «Новая Жизнь» второй раз (июльские дни!) дезертирует из рядов революции в черную рать Бурцевых-Сувориных. Ну, а всякому известно, что мы вообще за ясность.

Но, может быть, они не могут «молчать» потому, что теперь вообще все загоготали в отечественном болоте интеллигентской

растерянности? Не этим ли объясняется «нельзя молчать» Горького? Невероятно, но факт. Они сидели и молчали, когда помещики и их прислужники доводили крестьян до отчаяния и голодных «бунтов». Они сидели и молчали, когда капиталисты и их прихвостни готовили рабочим всероссийский локаут и безработицу. Они умели молчать, когда контр-революция пыталась сдать столицу и вывести оттуда армию. Но эти люди «не могут молчать», когда авангард революции, Петроградский Совет, стал на защиту обманутых рабочих и крестьян! И первое слово, что сказали они,— слово упрека не по адресу контр-революции, — нет, а по адресу той самой революции, о которой они с увлечением говорят за чашкой чая, но от которой они бегут, как от чумы, в самые ответственные минуты! Разве это не «странно»?

Русская революция ниспровергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», она их брала на службу, либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих «громких имен», отвергнутых потом революцией,— целая вереница: Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые тем только и замечательны, что о н и с т а р ы е. Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дают спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив.

Что ж, вольному воля... Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...

[«Рабочий Путь» № 41, 26 октября (2 ноября) 1917 г., без подписи.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

ЧТО НАМ НУЖНО?

В феврале месяце свергли царя солдаты и рабочие. Но, победив царя, они не захотели взять власть в свои руки. Руководимые дурными пастырями, эсерами и меньшевиками, рабочие и солдаты добровольно передали власть ставленникам помещиков и капиталистов: Милюковым и Львовым, Гучковым и Коноваловым. Это была роковая ошибка победителей. За эту ошибку распла-

чиваются теперь солдаты на фронте, рабочие и крестьяне в тылу. Свергая царя, рабочие думали получить хлеб и работу. Но вместо этого они «получили» дороговизну и голод, локауты и безработицу. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят ставленники капиталистов и спекулянтов, которые хотят взять рабочих измором.

Свергая царя, крестьяне думали получить землю. Но вместо этого они «получили» аресты своих депутатов и карательные экспедиции. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят ставленники помещиков, которые ни за что не уступят крестьянам.

Свергая царя, солдаты думали получить мир. Но вместо этого они «получили» затяжную войну, которую хотят к тому же оттянуть еще до будущей осени. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят ставленники англо-французских банкиров, которым невыгодно «скорое» окончание войны, которые грабительски наживаются на войне.

Свергая царя, народ думал, что месяца через два-три созовут учредительное собрание. Между тем созыв учредительного собрания раз уже был отложен, и теперь явно готовятся враги к его окончательному срыву. Почему?

— Потому, что в правительстве сидят враги народа, которым невыгоден своевременный созыв учредительного собрания.

После победы революции власть осталась в руках помещиков и капиталистов, банкиров и спекулянтов, скупщиков и мародеров — вот в чем роковая ошибка рабочих и солдат, вот где причина нынешних бедствий в тылу и на фронте.

Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции. Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями. Нужно правительство Кишкина — Коновалова заменить правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь.

Таким и только таким путем могут быть завоеваны мир, хлеб, земля, свобода.

Рабочие, солдаты, крестьяне, казаки, все трудящиеся!

Хотите ли вы, чтобы вместо нынешнего правительства помещиков и капиталистов стало у власти новое правительство рабочих и крестьян?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России объявило, согласно требованию крестьян, отмену помещичьих прав на землю и передало все помещичьи земли без выкупа крестьянским комитетам?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обнародовало тайные договоры царя, признало их необязательными и предложило всем воюющим народам справедливый мир?

Хотите ли вы, чтобы новое правительство России обуздало вконец локаутчиков и спекулянтов, намеренно обостряющих голод и безработицу, разруху и дороговизну?

Если вы хотите этого, соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них Съезду Советов, который открывается завтра в Смольном.

Если вы все будете действовать дружно и стойко, никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованее и мощнее выступите вы. И вся страна пойдет тогда смело и твердо к завоеванию мира народам, земли крестьянам, хлеба и работы голодающим.

Власть должна перейти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

У власти должно быть новое правительство, избранное советами, сменяемое советами, ответственное перед советами.

Только такое правительство может обеспечить своевременный созыв учредительного собрания.

«Рабочий Путь», № 44, 24 октября (6 ноября) 1917 г., передовая, без подписи.]

★ ★ ★

Н. И. БУХАРИН.

К СОЦИАЛИЗМУ!

Вместе с крахом империалистского временного правительства обнаружился воочию и характер русской революции, о котором так много и так долго спорили.

В самом деле. Совершенно очевидно, что с переходом власти к советам буржуазное государство рушится. Основная, самая крепкая организация буржуазии — ее государственная власть — исчезает. Создается новый, отличный по своему строению и по своим задачам, аппарат власти, находящийся в распоряжении пролетариата и крестьянства, с явным перевесом организующих сил на стороне пролетариата.

С другой стороны, совершенно очевидно также, что на фабриках и заводах, в сфере экономической жизни, самодержавный режим буржуазии разлагается.

Буржуазия не может при сложившихся отношениях быть здесь организующей силой. Все в большей степени сюда вмешиваются органы рабочей демократии, в первую голову фабрично-заводские комитеты. Но поскольку речь идет и об общегосударственном регулировании промышленности, то с переходом власти к советам это регулирование практически совпадает с рабочим контролем.

При таких условиях отпадают основные признаки капиталистического порядка вещей: верховенство капитала и в политике и в экономике рушится. Настает некапиталистический, полусоциалистический порядок вещей. Полусоциалистический, так как, во-первых, это есть еще эпоха диктатуры, а не бесклассовый социализм, так как, во-вторых, слишком значительны еще будут на первых порах неорганизованные отношения в деревне. Отсюда вытекают и величайшие трудности текущего этапа нашей революции. Здесь уже совершается не поверхностное изменение политической «надстройки», а коренная ломка производственных отношений. Правда, всякая революция сопровождается изменением производственных отношений. Никогда не бывает чисто политических революций. Но при буржуазных революциях изменения производственных отношений не имеют принципиального

характера, ибо остается в неприкосновенности сам принцип частной собственности. На место помещика становится капиталист, вместо одного частного собственника — другой. Как ни различен тип собственности, все же развитие совершается в общих рамках собственности и эксплоатации меньшинством громадного большинства. Совсем иное происходит теперь. Начинается принципиальное изменение частно-собственнического и эксплоататорского строя, то-есть ломка самых основ капиталистического общества. Понятно, что ломка эта и построение нового общественного уклада не может не быть чрезвычайно болезненным, чрезвычайно мучительным процессом. Понятно, что на первых порах будут делаться ошибки—ибо в мировой истории это первый «опыт», но железный ход событий властно ставит эту задачу в порядок дня, и отмахнуться от нее нельзя: ее нужно разрешать.

Задача организации экономической жизни становится еще более трудной потому, что война истощила и обескровила хозяйство страны, расстроила ее транспорт и ее финансы, привела к экономическому развалу невиданных размеров. Но и это обстоятельство не указывает другого выхода. Наоборот, оно с еще большей настойчивостью требует регулирования и организации промышленности, чего немыслимо при данных условиях ожидать от буржуазных локаутчиков.

Обычным доводом против такой постановки вопроса является то соображение, что Россия — страна промышленно отсталая, а следовательно, русская промышленность не может быть организована вообще. Но этот «довод» основан на простом незнании действительного положения дел. Отсталость русской экономической жизни выражается вовсе не в том, что у нас господствует мелкая промышленность — у нас уже синдицированная промышленность, — а в том, что вся она в целом играет сравнительно меньшую роль по отношению к сельскому хозяйству.

Но последнее обстоятельство ни в коей мере не решает вопроса о возможности регулирования промышленности в отрицательном смысле. Любопытно отметить, что наши противники из лагеря умеренных социалистов и даже некоторые буржуазные экономисты считают вполне возможным государственно-капиталистическое регулирование. Но государственно-капита-

листическое регулирование отличается от рабочего контроля главным образом тем, что государственная власть находится в руках другого класса. А это вопрос социального соотношения сил. Переход власти к советам означает его положительное решение. Гораздо более сложным является вопрос о связи города с деревней. Как ни мало значение городов, но все же его отнюдь нельзя преуменьшать. Контроль Советской власти («рабочий контроль») над промышленностью означает уничтожение анархического рынка сбыта для продуктов сельскохозяйственного производства. А это в корне меняет все направление развития. При таких условиях неизбежна растущая и организованная связь деревни с городом, т.-е. вовлечение даже мелкокрестьянского хозяйства в сферу общей производственной организации. Такова, в общих чертах, линия хозяйственного развития, которая намечается при дальнейшем поступательном ходе русской революции.

Будет ли итти вперед революция?

Не расшибет ли она себе лба, наткнувшись на непреодолимые трудности?

Заранее говорить о непреодолимых трудностях нельзя. Они колоссальны. Вопросы продовольствия, транспорта; демобилизация армии; сопротивление и саботаж слоев, близко стоящих к крупнокапиталистической буржуазии, — на этом не раз может споткнуться Советская власть. Но нет никаких оснований говорить, что она потерпит здесь банкротство. Если кто и сможет сделать ряд решительных шагов, — то только эта народная власть.

А потом не нужно забывать о главном: нельзя рассматривать сейчас все вопросы революции в их национально-ограниченном масштабе. Что бы ни говорили нам «скептики», которые во всем сомневаются, всегда покачивают головой, будучи сами бесплодны, как евангельская смоковница, — все же за нами стоит международная революция.

Международная революция означает не только чисто политическое подкрепление русской революции. Она означает и хозяйственное подкрепление.

Обрезанные войной экономические связи восстанавливаются. Победа пролетариата на Западе дает возможность планомерно лечить хозяйственные раны в России высоко-развитой западно-

европейской техникой. Хозяйственная отсталость России возмещается высоким экономическим уровнем Европы, а русское хозяйство быстро втягивается — при победе пролетариата на Западе — в общеевропейскую социалистическую организацию.

На этот путь мы уже вступили. И по этому пути сознательные элементы демократии должны итти и неустанно, лихорадочно работать в этом направлении.

Гарантия полной победы — международная революция пролетариата. Поскольку же развитие этой революции зависит от России, сильнейшим толчком является переход власти к Советам, уничтожение власти империалистов. Полная, решительная победа рабочих, солдат и крестьян — это первое условие успеха. Эта задача стоит сейчас в центре всего. Эту задачу нужно разрешить раз навсегда.

[«Социал-Демократ», № 194 от 27 октября 1917 г.]

* * *

Н. И. БУХАРИН.

КРАХ ИМПЕРИАЛИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Гражданин Керенский, повидимому, оказался плохим пророком. На последнем заседании так называемого Совета Российской Республики он предсказывал ликвидацию Петербургского совета временным правительством. Но гораздо вероятнее, по всем признакам, другой исход, а именно: ликвидация временного правительства Петербургским советом. Мы не решаемся еще петь временному правительству отходную, но теперь нелишне все же вспомнить его «заслуги перед родиной», «заслуги», которые вызвали ненависть к нему со стороны широких масс рабочих, солдат и крестьян.

Первое временное правительство, от которого пошли все остальные, при чем рукоположение исходило почти всегда от Керенского, было санкционировано советами. Керенский получил власть от этих учреждений революционной демократии, тогда еще бывшей на привязи у капитала. Но после семи месяцев с начала революции правительство Керенского не только не считается с советами, но идет на советы с оружием в руках. Ташкентский совет был разгромлен башибузуками

Керенского, Калужский совет не был расстрелян только по чистой случайности. Против Петербургского совета направляются ударные батальоны. Советы терпятся Керенским только до тех пор, пока они похожи на его лакейский предпарламент. Но «демократ» Керенский настолько «демократичен», что готов смести их с лица земли, как только они заявят о своем собственном суждении и о своей собственной воле.

Из ставленника советов Керенский превратился в ставленника Рябушинских и в злостного противника революции.

С целью разгрома революции выводились и выводятся революционные войска из крупнейших городов; с этой целью Керенский приказал Каледину занять шахты Донецкого бассейна; с этой же целью отсылалось из Петербурга оружие в калединскую столицу Новочеркасск; с этой же целью подтягиваются правительственные войска к Питеру, и войска минчан окружаются кольцом казаков. Словом, по всей России осуществлялся руками якобы революционного правительства заговор против революции.

Но заговор против революции — это значит заговор против рабочих и крестьян.

Подавление крестьянского движения было поэтому одной из важнейших сторон правительственной политики. Земельные крестьянские комитеты арестовывались. Под видом борьбы с погромами и анархией шла свирепая расправа с крестьянами, забиравшими помещичью землю. Были воскрешены карательные экспедиции против крестьян, совсем как в доброе старое время.

По самому важному вопросу, по вопросу о войне и мире, правительство действовало, как послушный ученик Милюкова — Бьюкенена — Родзянки. Корниловец и империалист стал выражать мнение правительства по иностранным делам. Генерал Алексеев прочился в заграничные агенты правительства. Даже архи-невинный, с большим уклоном в сторону союзного империализма наказ Скобелеву оказался преступным в глазах министерства иностранных дел. Никакой борьбы за мир, а борьба за «цели» союзного империализма — вот что делало правительство. Оно затягивало войну, оно вело бешеную борьбу против сторонников мира, вводя смертную казнь и репрессии на фронте.

Его империалистская натура лучше всего сказалась на травле финляндцев и конфликтах с украинцами. Разгон сейма, в котором большинство было за социал-демократами — вот каково было понимание «права наций на самоопределение». И совсем недавно еще было издано распоряжение о запрещении украинского учредительного собрания и о предании суду членов центральной украинской рады.

Попытка задушить советы, закрытие рабочих газет в Питере, активная помощь локаутчикам — все это подняло массы. Власть уходит из рук временного правительства. Власть переходит в руки советов. Создается новая власть, — власть мира и свободы.

[«Социал-Демократ», № 194 от 27 октября 1917 г. За подписью К. Т.]

* * *

III.

ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ.

«Мы изучили... три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру. Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий. Главное именно в этом.

Из статьи: «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата». В. И. Ленин. Собр. соч., том XVI, стр. 447.

В. И. ЛЕНИН.

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

[Отрывок из статьи: «Третий интернационал и его место в истории».]

Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная — для Европы XX века — политическая отсталость царской монархии вызывала необычную силу революционного натиска масс. Во-вторых, отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков. Мы с этого начали в октябре 1917 года, и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого. Маркс еще в 1856 году указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной. Большевики с начала 1905 года отстаивали идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В-третьих, революция 1905 года чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда с «последним словом» социализма на Западе, так и в смысле революционного действия масс. Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революция в 1917 году, как буржуазная Февральская, так и пролетарская Октябрьская, были бы невозможны. В-четвертых, географические условия России позволяли ей дольше, чем другим странам, держаться против внешнего перевеса капиталистических передовых стран. В-пятых, своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариев города на полупролетарские, беднейшие слои трудящихся в деревне. В-шестых, долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение, при глубокой и быстро обостряющейся революционной

ситуации, такой своеобразной формы пролетарской революционной организации, как с о в е т ы.

Этот перечень, конечно, не полон. Но им можно пока ограничиться.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVI, стр. 185.]

В. И. ЛЕНИН.

ЛЕГЧЕ НАЧАТЬ — ТРУДНЕЕ ДОВЕСТИ ДО КОНЦА.

[Отрывок из «Детской болезни левизны в коммунизме».]

России в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко н а ч а т ь социалистическую революцию, тогда как п р о д о л ж а т ь ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистических хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р. партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; — таких специфических условий в Западной Европе теперь нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — начать социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVII, стр. 153.]

* * *

В. И. ЛЕНИН.

ТРИ УСЛОВИЯ ПОБЕДЫ БОЛЬШЕВИЗМА.

[Из статьи «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата».]

Как же могло произойти такое чудо: победа большевиков, имевших четверть голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими $^3/_4$ голосов? Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты — всемирной могущественной Антанты — всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II Интернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков. В том-то и дело, что «чудо» есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков каковой демократии разоблачается этим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, с этой точки зрения, покинутой II Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы: Петроград и Москву. Всего голосов в учр. собрание подано было в них 1.765,1 тысяч. Из них получили:

эсеры	218,0 тысяч
большевики	837,0 »
кадеты	515,4 »

Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К⁰), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства

города и деревни. Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности. Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из «городских классов» сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу, и какие формы это руководство города примет. Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени на-голову (9 милл. голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700—800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903—1917), которая закалила, просветила, организовала авангард пролетариата, выковав из него действительно революционный авангард. И притом первая революция, 1905 года, подготовила дальнейшее развитие, определила практически взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917—1919 годов.

Мелкобуржуазные демократы, называющие себя «социалистами» II Интернационала, любят отделываться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе «единства» пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт накопления оппортунизма в рабочем движении 1871—1914 годов, забывают (или не хотят) подумать о причинах краха оппортунизма в августе 1914 г., о причинах раскола международного социализма в 1914—1917 гг.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки революционной части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождям «независимой» германской социал-демократии, французского социализма и т. п., которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом революционный авангард пролетариата.

Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас, в России, эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа — разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка.

В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь почти вчетверо больше, чем эсеры. Мы имели здесь больше, чем эсеры и кадеты вместе взятые. Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо «коалиция» кадетов с эсерами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком действительном единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент *. Как известно, в ноябре 1917 года даже вожди эсеров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока с кадетами, чем эсеровские и меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками без кадетов.

Столицы мы завоевали в октябре-ноябре 1917 года наверняка, имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских «армий», так и в смысле разложения, обессиления, разъединения, деморализации «армии» «неприятеля».

А имея возможность наверняка быстрым, решительным ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической

* Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партий буржуазии. *Прим. Н. Ленина.*

машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и «интеллигенции», саботаж и т. д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти доказать делами трудящимся непролетарским массам, что пролетариат — единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

* * *

Но прежде чем переходить к этому, самому важному вопросу — вопросу об отношении пролетариата к непролетарским трудящимся массам — следует еще остановиться на армии.

Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистические вожди II Интернационала (не только социал-шовинисты, т.-е. прямо перешедшие на сторону «защиты отечества» Шейдеманы и Ренодели, но и «центровики») своими словами и своими делами укрепляли подчинение армии руководству империалистских разбойников как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 году: «Буржуазия научит пролетариат владеть оружием». О «защите отечества» в империалистской, т.-е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, а пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее против империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против «своей», «национальной» буржуазии.

Предатели социализма не подготовили за 1914—1917 годы использование армий против империалистских правительств каждой нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделывались по этому поводу фразами о разложении армии большевистской агитацией, но мы гордимся тем, что испол-

нили свой долг, разлагая сильнейшего классового врага, отвоевывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян для борьбы против эксплоататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в У. С. в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святицкий:

ЧИСЛО ГОЛОСОВ (В ТЫСЯЧАХ), ПОДАННЫХ В НОЯБРЕ 1917 г. НА ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

Части армии и флота	За эсеров	За большевиков	За кадетов	За национ. и другие группы	Всего
Северный фронт . . .	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный » . . .	180,5	653,4	16	125,2	976,0
Юго-зап. » . . .	402,9	300,1	13,7	290,6	1.007,4
Румынский » . . .	679,4	167,0	21,4	260,7	1.128,6
Кавказский » . . .	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский » . . .	—	(120,0*)	—	—	(120,0*)
Черноморский » . . .	22,2	10,8	—	19,5 **	52,5
Итого . . .	1.885,1	1.671,3	51,8	756,0	4.364,5
		+ (120,0*)	+ ?		+ (120,0*)
		1.791,3			4.484,5

Итог дает: за эсеров 1.885,1 тыс. голосов, за большевиков — 1.671,3 тыс. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от Балтийского флота, то получаем за большевиков 1.791,3 тыс. голосов.

Следовательно, большевики получили немногим менее, чем эсеры.

---

* Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святицкий считает по 60.000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я беру цифру 120.000. *Прим. Ленина.*

** О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черноморского флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 с.-д. (т.-е. меньшевик). *Прим. Ленина.*

Армия была, следовательно, уже к октябрю-ноябрю 1917 г. наполовину большевистской.

Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии, вообще мы имели подавляющий перевес на фронтах, ближайших к столицам и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А если взять северный и западный фронты, то у большевиков получается свыше 1 миллиона голосов против 420 тысяч у эсеров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года политический «ударный кулак», который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом не могло быть и речи, когда на северном и западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность отвоевать крестьян у эсеровской партии, о чем пойдет речь ниже.

* * *

Мы изучили, на основании данных о выборах в У. С., три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий. Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса,—про-

летариата, — может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии — у мелкобуржуазных партий.

Полные мелкобуржуазных предрассудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа «социалисты» II Интернационала смотрят на государственную власть как на какую-то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолют «последовательной демократии» (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государственной власти просто орудия, которым разные классы могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) в своих классовых целях.

Буржуазия пользовалась государственной властью как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся. Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма «забыли» это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные политические и военные «ударные кулаки») низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть, чтобы это орудие пустить в ход ради своих классовых целей.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

«Нейтрализация» крестьянства, а по возможности привлечение его — во всяком случае большинства его трудящейся — не эксплоататорской части — на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

* * *

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, «учат» народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат сначала должен завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования

большинства, государственную власть и затем уже на этой основе «последовательной» (иные говорят «чистой») демократии организовать социализм.
А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:
Пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, т.-е. диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVI, стр. 441—448.]

* * *

И. СТАЛИН.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ОБСТАНОВКА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

[Из предисловия «На путях к Октябрю».]

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть таким образом власть буржуазии.
Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп — англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность укрепления и организации своих сил.
Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась тогда, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это

обстоятельство имело серьезнейшее значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное орудие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей, в виду этого, массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, наличие мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но, кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главными из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где она могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контр-революцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

[И. Сталин. «На путях к Октябрю», стр. XII—XIV.]

* * *

И. В. СТАЛИН.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТАКТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЯ.

[Из предисловия «На путях к Октябрю».]

Первая особенность:

1) Партия за весь период подготовки Октября неуклонно упиралась в своей борьбе на стихийный подъем массового революционного движения.

2) Опираясь на стихийный подъем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением.

3) Такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания.

4) Такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии,—партии большевиков.

5) Такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии,—партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство одной партии,—партии коммунистов, как основной момент подготовки Октября,—такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией...

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии,—партии большевиков.

Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции соглашательских партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков.

В чем состоит основное стратегическое правило ленинизма?

Оно состоит в признании того, что:

1) Наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии;

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть в виду этого направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся...

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть советов, под лозунгом «Вся власть советам», путем борьбы за превращение советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности...

Четвертая особенность. Картина была бы неполная, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс, двигающие вперед революцию, как и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, — недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда

лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

И. Сталин. «На путях к Октябрю», стр. XXXVIII.]

* * *

IV.

ОКТЯБРЬ И ЕГО ЗАДАЧИ.

«Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой.

Из статьи: «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции».

(Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 363.)

В. И. Ленин.

А каковы классовые цели пролетариата? Подавление сопротивления буржуазии. «Нейтрализация» крестьянства, а по возможности привлечение его — во всяком случае большинства его трудящейся, не эксплоататорской части — на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVI, стр. 448.]

В. И. ЛЕНИН.

РЕЧЬ* ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ СОВЕТЕ Р. и С. Д.

(26 октября 1917 г.)

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии. Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими. Мы приобретаем

---

* Хроникерский, не стенографический отчет.

доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции. В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

[«Известия Петербургского Совета Р. и С. Д.», № 208, 27 октября 1917 г. В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 11.]

* * *

Н. И. БУХАРИН.

НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КАПИТАЛ.

Товарищи!

Новая революция, которая уже опрокинула трон Керенского, капиталистов и помещиков, привела к власти Совет Народных Комиссаров.

Совет Народных Комиссаров в Петербурге — это правительство рабочих, солдат и деревенской бедноты. Это правительство всех угнетенных против всех угнетателей, против помещиков, заводчиков, биржевиков, спекулянтов, своих — русских, немецких, английских, американских. Это — настоящее правительство народной, рабочей революции.

В феврале — апреле на место диких помещиков стали тузы-промышленники — Гучковы и Коноваловы.

В октябре в Питере власть перешла из рук денежных тузов в руки рабочих и солдат.

Первый раз в истории человечества одержана такая победа.

Последствия ее неисчислимы.

Посреди грохота мировой бойни, затеянной капиталом, к победе продвинулся революционный пролетариат, самый беспощадный враг захватов, империализма, капитала.

Это означает, что впервые целая страна порывает все соглашения с международным капиталом. Недаром уже спешат

удрать из России представители капиталистических правительств.

Пусть! У революции будут развязаны руки. Вместе с ударом по международному капиталу будет дан могучий толчок м е ж д у н а р о д н о й р а б о ч е й р е в о л ю ц и и.

Товарищи!

Целый мир смотрит сейчас на нас. От наших побед зависит и победа е в р о п е й с к о г о социализма.

Великая, грандиозная задача выпала нам на долю. Будем достойны этой задачи.

За дело рабочих, крестьян, солдат идем дружной ратью вперед!

Наши враги защищают позорный строй рабства!

Мы защищаем лучшее будущее всего человечества — социализм.

Да здравствует наш натиск на слабеющего врага!

Да здравствует победа!

[«Социал-Демократ» № 196 от 31 октября 1917 года, передовая, без подписи.]

* * *

МАНИФЕСТ*.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКИХ СОВЕТОВ РАБОЧ. И СОЛДАТ. ДЕПУТАТОВ.

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ МОСКВЫ.

Товарищи и граждане!

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты на-голову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизона. Под грохот мировой войны в столице России центральная государственная власть перешла в руки Всероссийского Съезда Советов. Это — власть

* Манифест написан тов. Бухариным.

самого народа: рабочих, солдат, крестьян. Это — власть мира и свободы, это — власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам, отменила смертную казнь, введенную изменником революции Керенским. Верховный полномочный орган всей российской демократии выдвинул ее. И всякий, кто поднимет против нее вооруженную руку, будет сметен революционным народом.

Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии объявила восстание против народного правительства. Ей нужно было снова возвратить землю помещикам, восстановить смертную казнь, затянуть дело мира.

Беззаветный героизм солдат и Красной рабочей гвардии спас революцию.

Сломив сопротивление врага, Военно-Революционный Комитет объявляет от имени рабочих и солдат:

Все меры будут приняты для восстановления нормальной жизни города. Фабрики и заводы будут пущены в ход по приказу Комитета. Банки, конторы и магазины откроются по его распоряжению. Все будет сделано для обеспечения города продовольствием. Нарушители революционного порядка — грабители, погромщики, мародеры, торговцы спиртом будут судимы беспощадным судом.

Товарищи и граждане!

Весь мир переживает колоссальный кризис. Война, вызванная капиталом, привела к глубокому потрясению, всколыхнув рабочие массы во всех странах. Повсюду нарастает революция пролетариата. И русскому рабочему классу выпала великая честь первому низвергнуть господство буржуазии. Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своей кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

Слава павшим в великой борьбе!

Да будет их дело — делом живущих.

Военно-Революционный Комитет Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

[«Социал-Демократ» № 200 от 4 ноября 1917 г.]

* * *

Н. И. БУХАРИН.

ИЗ-ЗА ЧЕГО БОРЬБА?

Ожесточенная политическая борьба загорелась и будет разгораться все сильнее с каждым днем. Политические партии, защищающие дело буржуазии, изо всех сил стараются перетянуть на свою сторону хотя бы часть солдат и рабочих. На этом они строят все свои надежды. Ибо дела буржуазии теперь обстоят плохо. Ее правительство низвергнуто, ее защитники — старый состав Ц. И. Комитет Советов (меньшевики и эсеры) — Всероссийским Съездом смещены с постов, лакейский «Совет Республики» по «приглашению» революционных матросов и солдат вынужден разойтись по домам. Победа народного восстания связала буржуазию по рукам и по ногам. Она делает теперь отчаянные попытки, чтобы вновь вернуться к власти.

Каким правилом должны руководиться солдатские, рабочие и крестьянские массы для того, чтобы не попасться в сети обмана, которые щедро расставляет им буржуазия, которые усиленно расставляют им перешедшие на сторону буржуазии партии соц.-революционеров и меньшевиков?

Главное правило должно быть: никакого внимания к словам, никакого доверия к словам!

Доверие и внимание только к делам.

Когда кадеты, полу-кадеты и полу-корниловцы говорят: «И мы за мир, и мы за землю», отвечают им: «Восемь месяцев вы писали законы и управляли страной. Восемь месяцев вы длили войну и защищали помещичьи права. Восемь месяцев вы хорошими словами обманывали наше доверие. Теперь с нас довольно. Мы хотим не посулов и обещаний, а немедленного осуществления революционных требований».

Совсем иначе, чем буржуазные партии, поступает партия пролетариата и всей бедноты.

Всего два-три дня, как она получила в свои руки власть и право вводить законы, и она немедленно, без долгих слов стала осуществлять все то, чего не хотели осуществить буржуазные и мелкобуржуазные партии: помещичья собственность на землю уничтожена, смертная казнь отменена,

мирное предложение сделано. Из-за чего же идет борьба? Борьба идет потому, что буржуазия и помещики не хотят допустить осуществления этих законов, хотят их сорвать. На основании принятого Всероссийским съездом советов закона о земле все прежние помещичьи земли отныне принадлежат крестьянам. Но этот закон в силе только до тех пор, пока на страже его стоит и проводит его избранный Всероссийским съездом Совет Народных Комиссаров.

Помещики, буржуа и их прислужники борются против этой народной власти именно потому, что они борются против изданных ею постановлений о земле и о предложении мира.

Они борются потому, что знают хорошо: наша партия не остановится перед тем, чтобы наносить дальнейшие беспощадные удары интересам имущих классов в интересах всей бедноты, в интересах измученной армии, в интересах всех голодных и угнетенных.

Кончилось царство буржуазии. Новую жизнь теперь будет строить народ, постепенно, но неуклонно создавая царство освобожденного труда. Конец самодержавию помещиков, конец самовластию капиталистов, конец войнам буржуазных хищников!

Вот что пишет на своих знаменах великая революция рабочих, солдат и крестьян. Вот против чего ведут борьбу наши противники, вот за что мы будем бороться до смерти или до полной победы!

[«Социал-Демократ» 30 октября 1917 г., без подписи.

* * *

О МОСКОВСКИХ СОБЫТИЯХ.

Речь тов. Бухарина на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советов рабочих и солдатских депутатов II созыва*.

6 ноября 1917 года.

Бухарин. — Товарищи, называющие себя радикальными, социалистическими, даже на три четверти большевистскими, как

* Речь воспроизводится по протоколам заседаний ВЦИК II созыва (протокол № 6) и представляет протокольную запись выступления тов. Бухарина, скрепленную Я. М. Свердловым.

«Новая Жизнь», сообщили вам о бесчисленных грабежах в Москве, об истреблении исторических художественных ценностей и т. д., и т. д. Та же самая, с дозволения сказать, печать, сообщила нам в Москве о массовом пьянстве солдат в Петрограде, об изнасилованиях ударниц, о полном разгроме питерского восстания и т. д., и т. д. Подобные сообщения имеют единственною целью посеять сумятицу в душах борющейся революционной армии и пролетариата и облегчить победу контр-революционной буржуазии. И я должен сознаться, что нам было в высшей степени тягостно слушать известия о поражении революционного Петрограда, хотя эти известия — точно так же, как и гнусная клевета на петроградцев, которой мы не верили ни одной секунды,—не поколебали в нас ни на одну минуту нашей беззаветной решимости бороться до конца за наши идеалы. И борьба затянулась в Москве не благодаря отсутствию или недостатку этой решимости,— это произошло лишь потому, что мы, революционеры, слишком великодушны для борьбы, и вместе с тем потому, что юнкера слишком долго пользовались полной свободой для организации контр-революции, что они ежедневно имели возможность по нескольку часов упражняться в стрельбе из пулеметов, что они имели слишком достаточно времени для переговоров с Калединым, что они успели и сумели сорганизовать свой боевой штаб в то время, когда мы вынуждены были организоваться, так сказать, в пылу боя. Тем не менее судьба боя была предрешена. С первой же минуты на борьбу за власть советов поднялась вся революционная Москва, и мы вместе со всем серым солдатским гарнизоном получили все средства борьбы, до прожекторов и одиннадцати-дюймовых орудий. Мы имели также аэропланы, пользуясь которыми мы могли бы без всякого труда разрушить совиные гнезда контр-революционных штабов. Но Военно-Революционный Комитет не принял должной решимости в этом случае, и отчасти поэтому также затянулась война с московской буржуазией. Причиной этой затяжки борьбы также была предательская тактика меньшевиков и эсеров. Левые эсеры со всей своей активностью и с необычайным героизмом сражались бок-о-бок с нами, но правые эсеры, с городским головой Рудневым во главе, делали все, что только было в их силах, для подавле-

ния нашего восстания. Я начну с их тактики в Совете раб. и солд. депутатов.

В рабочей секции мы составляли подавляющее большинство, но солдатская секция была избрана чуть ли не сто лет тому назад, в состав ее попали дантисты, фармацевты и т. д., — лица, в такой же степени близкие солдату, как я китайскому императору. Они были, конечно, нашими врагами, но они сумели поставить бесчисленные рогатки перевыборам, и потому и в солдатской секции и вследствие этого в Исполнительном Комитете мы не имели большинства. Что же получилось в результате? Я уж не говорю о чисто шпионских актах, как, напр., о том, что когда мы расставили пулеметы в окнах Совета раб. и солд. депутатов, то Рябцеву по телефону было сообщено о расположении этих пулеметов. Я не буду распространяться также о том, что когда один наш полк попал в засаду, эти представители солдат приняли участие в допросах и давали показания против восставших. Они составили прямой вооруженный союз с контр-революцией. Они стреляли в нас, а еще задолго до этого, когда мы вносили в Совете проекты о вооружении Красной гвардии, они всячески и всегда проваливали эти проекты под тем предлогом, что вооружение рабочих якобы внесет раздоры между нами и солдатами.

Пробил час борьбы, и теперь геройская борьба Красной гвардии, примеры массового и индивидуального героизма, те неоценимые услуги, которые были оказаны красногвардейцами солдатам, ясно сознавшим, как трудно было бы им без участия в борьбе товарищей, — показали всю ложь, всю бессмысленность опасений и рассуждений оборонцев. Но в процессе подготовки борьбы их тактика сыграла свою глубоко-отрицательную роль, не давая нам возможности усиливать Красную гвардию и дать ей возможно лучшую организацию, а вместе с тем, лишь только началось восстание, городской голова Руднев, правый эсер, поспешил вооружить белую гвардию, которая по ночам предательски расстреливала из-за угла рабочие патрули.

В Москве ярче и глубже, чем где бы то ни было, проявилось классовое значение борьбы за власть советов. Именно здесь на стороне контр-революции не оказалось ни одного полка, ни одной роты солдат и ни одного отряда рабочих; именно здесь, с одной сто-

роны, оказались белая гвардия и все юнкера, кость от кости и плоть от плоти контр-революционной буржуазии, а с другой — вся солдатская масса и все представленные Красной гвардией рабочие. Первые объединились вокруг созданного думою, под влиянием правых эсеров, Руднева, комитета спасения (эту думу мы уже в пример вам, петроградцам, разогнали). А вторые боролись за передачу власти советам. Мы великодушничали, в то время как буржуазия посылала к нам духовенство с предложением сдаться на капитуляцию и предать наш Военно-Революционный Комитет. В то время, как юнкера стреляли разрывными пулями, мы отказались от употребления аэропланов и даже согласились на перемирие, но перемирие было сорвано 150 ударниками, которых тайно и вопреки договору привезли в Москву, которые в укромном местечке нашли явно приготовленные для них 150 винтовок и которые принялись расстреливать наши патрули. К счастью, на беспредельной боевой высоте оказались наши солдаты и рабочие, которые своими самочинными действиями, своей беспредельной храбростью, актами беззаветного самопожертвования парализовали нерешительность военных центров и принесли нам свободу.

Тов. Бухарин приводит пример незадолго до восстания выпущенных по требованию советов товарищей Двинского полка, которые в количестве 30 человек выбили из гостиницы «Метрополь» 300 юнкеров. Приводит акты самопожертвования двух красногвардейцев, взорвавших вражеские окопы и погибших при взрыве, и т. д., и т. д. Затем он переходит к изложению последствий орудийной пальбы по Кремлю. Совершенно вымышлены известия буржуазных газет о разрушении храма Василия Блаженного, который фактически не получил ни одной царапины; лишь в одном соборе имеются незначительные повреждения одного угла, и самое большое разрушение испытали два дома у Никитских Ворот.— Сообщение об истреблении исторических и художественных ценностей, — повторяет Бухарин, — чистейшая и сознательная ложь. Конечно, мы никогда не предполагали, что борьба мыслима без жертв и зачастую весьма серьезных жертв. Но не этого мы больше всего боимся. Мы боимся, что после борьбы и победы появятся дипломаты и политиканы, которые сведут на-нет результаты героических усилий пролетариата и революционной армии.

С этой точки зрения Бухарин в необычайно резких выражениях критикует поступок ушедших из ЦК большевиков и подавших в отставку комиссаров, называет их дезертирами революции и доказывает, что время «слюнявой» власти прошло.

— Пусть нас не страшит, — говорит он, — травля буржуазной печати и «Новой Жизни», которую в настоящее время стыдно читать. Массы останутся с нами, хотя газетчики и уйдут. Обрушившись далее на печать, тов. Бухарин говорит, что печать является таким же орудием борьбы, как и винтовка и тюрьма, и потому не следует обращать внимания на писк «Новой Жизни» и всякой интеллигенции о борьбе с буржуазной печатью.

* * *

В. И. ЛЕНИН.

НАШИ ЗАДАЧИ.

[Отрывок из «Чернового наброска проекта программы» 1918 г.]

«...Революция 25 октября (7 ноября) 1917 года осуществила в России диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, или полупролетариатом...

Эта диктатура ставит перед коммунистической партией в России задачу довести до конца, завершить начатую уже экспроприацию помещиков и буржуазии, передачу всех фабрик и заводов, железных дорог, банков, флота и прочих средств производства и обращения в собственность Советской республики.

Использовать союз городских рабочих и беднейших крестьян, давший уже отмену собственности на землю и закон о той переходной форме от мелкого хозяйства к социализму, которую современные идеологи ставшего на сторону пролетариев крестьянства назвали социализацией земли, для постепенного, но неуклонного перехода к общей обработке земли и к крупному социалистическому земледелию.

Закрепить и развить дальше федеративную республику советов, как неизмеримо более высокую и прогрессивную форму демократии, чем буржуазный парламентаризм, и как единственный тип государства, соответствующий, на основании опыта Парижской Коммуны 1871 г., а равно опыта русских революций 1905 и 1917—1918 гг., переходному периоду от капитализма к социализму, т.-е. периоду диктатуры пролетариата.

Всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы, парализуя попытки империалистических буржуазных государств, вмешаться во внутренние дела России или объединиться для прямой борьбы и войны против социалистической Советской республики, перенести революцию в более передовые и вообще во все страны».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 159.]

* * *

В. И. ЛЕНИН.

К ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Наступает четырехлетняя годовщина 25 октября (7 ноября). Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом.

В самых кратких — и, конечно, далеко неполных и неточных — абрисах это значение и этот опыт можно бы изложить следующим образом.

Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы в праве гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем великая французская революция свыше 125 лет тому назад.

И анархисты и мелкобуржуазные демократы (т.-е. меньшевики и эсеры, как русские представители этого международного социального типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (то-есть пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета

опыта прежних революций подтвердилась за 4 года полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся *вперед*, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим. Но и сейчас уже мы видим, что сделано гигантски много — для разоренной, измученной, отсталой страны — в деле социалистического преобразования общества.

Кончим, однако, о буржуазно-демократическом содержании нашей революции. Марксистам должно быть понятно, что́ это значит. Для пояснения возьмем наглядные примеры.

Буржуазно-демократическое содержание революции — это значит очистка социальных отношений (порядков учреждений) страны от средневековья, от крепостничества, от феодализма.

Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России в 1917 году? Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей. Возьмите любую из этих «авгиевых конюшен», — оставленных, к слову сказать, в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими их буржуазно-демократических революций 125, 250 и больше (1649 г. в Англии) лет тому назад, — возьмите любую из этих авгиевых конюшен: вы увидите, что мы их вычистили начисто. За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за *восемь месяцев* своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры).

Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, в роде

Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности). Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении вырваны нами до конца. «Можно спорить» (достаточно за границей литераторов, кадетов, меньшевиков и эсеров, чтобы заниматься этими спорами) о том, что́ выйдет, «в конце концов», из земельных преобразований великой Октябрьской революции. Мы не охотники сейчас терять время на эти споры, ибо мы борьбой решаем этот спор и всю массу зависящих от него споров. Но нельзя спорить против факта, что мелкобуржуазные демократы восемь месяцев «соглашались» с помещиками, хранящими традиции крепостничества, а мы в несколько недель и этих помещиков, и все их традиции смели с лица земли русской до конца.

Возьмите религию или бесправие женщины, или угнетение и неравноправие нерусских национальностей. Это все вопросы буржуазно-демократической революции. Пошляки мелко-буржуазной демократии восемь месяцев об этом болтали; нет *ни одной* из самых передовых стран мира, где бы эти вопросы были решены *в буржуазно-демократическом* направлении *до конца*. У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья, подновляемого корыстной буржуазией и тупой, запуганной мелкой буржуазией во всех, без единого изъятия, странах земного шара.

Это все — содержание буржуазно-демократической революции. Полтораста и двести пятьдесят лет тому назад обещали народам передовые вожди этой революции (этих революций, если говорить о каждом национальном виде одного общего типа) освободить человечество от средневековых привилегий, от неравенства женщины, от государственных преимуществ той или иной религии (или «*идеи* религии», «религиозности» вообще), от неравноправия национальностей. Обещали — и не выполнили. Не могли выполнить, ибо помешало «уважение» к «священной

частной собственности». В нашей пролетарской революции этого проклятого «уважения» к этому трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было.

Но, чтобы закрепить за народами России завоевания буржуазно-демократической революции, мы должны были продвинуться дальше, и мы продвинулись дальше. Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, *пролетарски-революционной*, социалистической работы. Реформы, говорили мы всегда, есть побочный продукт революционной классовой борьбы. Буржуазно-демократические преобразования, говорили и доказали делом мы, есть побочный продукт пролетарской, т.-е. социалистической, революции. Кстати сказать, все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хилльквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «$2^1/_2$-ного» марксизма не сумели понять *такого* соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую.

Советский строй есть именно одно из наглядных подтверждений или проявлений этого перерастания одной революции в другую. Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и *в то же время* он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического *типа* демократии: именно пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата.

Пусть псы и свиньи умирающей буржуазии и плетущейся за нею мелкобуржуазной демократии осыпают нас кучами проклятий, ругательств, насмешек за неудачи и ошибки в постройке нами *нашего* советского строя. Мы ни на минуту не забываем того, что неудач и ошибок у нас действительно было много и делается много. Еще бы обойтись без неудач и ошибок в таком новом, для всей мировой истории новом деле, как создание невиданного еще *типа* государственного устройства! Мы будем неуклонно бороться за исправление наших неудач и ошибок, за улучшение нашего, весьма и весьма дале-

кого от совершенства, применения к жизни советских принципов. Но мы в праве гордиться, и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн.

Вопрос об империалистских войнах, о той главенствующей ныне во всем мире международной политике финансового капитала, которая *неизбежно* порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального гнета, грабежа, разбоя, угнетения слабых, отсталых мелких народностей кучкой «передовых» держав — этот вопрос с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей. Это вопрос о том, будет ли в следующей, на наших глазах подготовляемой буржуазиею, на наших глазах вырастающей из капитализма империалистской войне перебито 20 миллионов человек (вместо 10 миллионов, убитых в войне 1914—1918 годов, с дополняющими ее «мелкими» войнами, не конченными и посейчас), будет ли в этой неизбежной (если сохранится капитализм) грядущей войне искалечено 60 миллионов (вместо искалеченных в 1914—1918 годах 30 миллионов). И в этом вопросе наша Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Слуги буржуазии и ее подпевалы в лице эсеров и меньшевиков, в лице всей мелкобуржуазной, якобы «социалистической», демократии всего мира издевались над лозунгом «превращения империалистской войны в войну гражданскую». А этот лозунг оказался единственной *правдой* — неприятной, грубой, обнаженной, жестокой, все это так, но *правдой* среди тьмы самых утонченных шовинистских и пацифистских обманов. Рушатся эти обманы. Разоблачен мир брестский. Каждый день разоблачает все более беспощадно значение и последствия еще худшего, чем брестский, мира версальского. И все яснее, все отчетливее, все неотвратимее встает перед миллионами и миллионами думающих о причинах вчерашней войны и о надвигающейся завтрашней войне людей грозь-

ная правда: нельзя вырваться из империалистской войны, из порождающего ее неизбежно империалистского мира (если бы у нас было старое правописание, я бы написал здесь два слова «мира» в обоих их значениях), нельзя вырваться из этого ада иначе, как большевистской борьбой и большевистской революцией.

Пусть с бешенством ругают эту революцию буржуазия и пацифисты, генералы и мещане, капиталисты и филистеры, все верующие христиане и все рыцари 2 и $2^1/_2$ Интернационалов. Никакими криками злобы, клеветы и лжи не замутят они того всемирно-исторического факта, что первый раз за сотни и за тысячи лет рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратим эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций.

Первый раз за сотни и тысячи лет этот лозунг превратился из смутного и бессильного ожидания в ясную, четкую политическую программу, в действенную борьбу миллионов угнетенных под руководством пролетариата, превратился в первую победу пролетариата, в первую победу дела уничтожения войн, дела союза рабочих всех стран над союзом буржуазии разных наций, той буржуазии, которая и мирится и воюет на счет рабов капитала, на счет наемных рабочих, на счет крестьян, на счет трудящихся.

Эта первая победа — еще не окончательная победа, и она далась нашей Октябрьской революции с невиданными тяжестями и трудностями, с неслыханными мучениями, с рядом громадных неудач и ошибок с нашей стороны. Еще бы без неудач и без ошибок удалось одному отсталому народу победить империалистские войны самых могущественных и самых передовых стран земного шара! Мы не боимся признать свои ошибки, и трезво будем смотреть на них, чтобы научиться исправлять их. Но факт остается фактом: первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов против всех и всяческих рабовладельцев выполнено до конца и выполняется вопреки всем трудностям.

Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца — вопрос не существен-

ный. Существенно то, что лед сломан, что путь открыт, дорога показана.

Продолжайте свое лицемерие, господа капиталисты всех стран, «защищайте отечество» японское от американского, американское от японского, французское от английского и т. д.! Продолжайте «отписываться» от вопросов о средствах борьбы против империалистических войн новыми «базельскими манифестами» (по образцу базельского манифеста 1912 г.), господа-рыцари 2 и $2^1/_2$ Интернационалов, со всеми пацифистскими мещанами и филистерами всего мира! Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество.

Последнее,— и самое важное, и самое трудное, и самое недоделанное наше дело: хозяйственное строительство, подведение экономического фундамента для нового, социалистического здания на место разрушенного феодального и полуразрушенного капиталистического. В этом самом важном и самом трудном деле у нас было всего больше неудач, всего больше ошибок. Еще бы без неудач и без ошибок начать такое всемирно-новое дело! Но мы его начали. Мы его ведем. Мы исправляем как раз теперь нашей «новой экономической политикой» целый ряд наших ошибок, мы учимся, как строить дальше социалистическое здание в мелко-крестьянской стране без этих ошибок.

Трудности необъятны. Мы привыкли бороться с необъятными трудностями. За что-нибудь прозвали нас враги наши «твердокаменными» и представителями «костоломной политики». Но мы научились также — по крайней мере, до известной степени научились — другому, необходимому в революции искусству: гибкости, уменью быстро и резко менять свою тактику, учитывать изменившиеся объективные условия, выбирая другой путь к нашей цели, если прежний путь оказался за данный период времени нецелесообразным, невозможным.

Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и воен-

ные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать,— мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства — наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелко-крестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней, государственный капитализм и социализм, чтобы подготовить — работой долгого ряда лет подготовить — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелко-крестьянской стране через государственный капитализм к социализму, иначе вы не пойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции.

И мы, научившиеся немного за три-четыре года резким поворотам (когда требуется резкий поворот), стали усердно, внимательно, усидчиво (хотя все еще недостаточно усердно, недостаточно внимательно, недостаточно усидчиво) учиться новому повороту, «новой экономической политике». Пролетарское государство должно стать осторожным, рачительным, умелым «хозяином», исправным оптовым купцом, иначе оно мелко-крестьянскую страну не может экономически поставить на ноги, иного перехода к коммунизму сейчас, в данных условиях, рядом с капиталистическим (пока еще капиталистическим) Западом нет. Оптовый купец — это как будто бы экономический тип, как небо от земли, далекий от коммунизма. Но это одно из таких именно противоречий, которое в живой жизни ведет от мелкого крестьянского хозяйства через государственный капитализм к социализму: личная заинтересованность поднимает производство. Нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало. Оптовая торговля объединяет миллионы мелких крестьян экономически, заинтересовывая их, связывая их, подводя их к дальнейшей ступени, к разным формам связи и объединения в самом производстве. Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической

политики. Мы имеем уже в этой области некоторые, правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи. Мы уже кончаем в этой области новой «науки» приготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно, исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс», хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось. Во что бы то ни стало, как бы тяжелы ни были мучения переходного времени, бедствия, голод, разруха, — мы духом не упадем и свое дело доведем до победного конца.

[Написано 14 октября 1921 г. Напечатано в «Правде» № 234, 18 октября 1921 г.]

* * *

Н. И. БУХАРИН.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ — ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

[Глава из брошюры Н. И. Бухарина «От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата».]

«Вся власть Советам!» «Созыв Второго Съезда!» — таков был лозунг, с которым большевики шли на демократическое совещание и в предпарламент. Партия пролетариата отлично понимала объективную неизбежность гражданской войны. Перед крупной буржуазией не было никакого выхода, кроме открытого нападения на народ, против которого она вела перманентную партизанскую войну. В ответ на лозунг пролетариата Керенский громил Ташкентский совет; в ответ на голос крестьян «его» правительство продолжало аресты земельных комитетов; в ответ на вопли железнодорожных рабочих и донских рудокопов их «усмиряли»; в ответ на требование признания прав Финляндии посылали карательные экспедиции и удаляли революционные части; в ответ на резолюции рабочих об освобождении большевиков освобождали тюремщиков и жандармов; наконец, в ответ на единодушный клич всего народа: «Долой изменников-кадетов!» Керенский назначил кадетское министерство

с ливрейными лакеями из бывших социалистов. После всех разоблачений, после травли армии кадетами, после поражения кадетского мятежа и измены, после предательства под Ригой, после чудовищной провокационной игры, ставкой которой была смертная казнь,— Керенский бросает вызов, назначая в министерство клейменых изменников!

Правительство гражданской войны — под таким названием вошел в историю новый кабинет Российской республики. Коновалов, крупнейший московский промышленник, идеолог и практик всероссийского саботажа,— министр торговли и промышленности и заместитель премьера. Разве теперь не будет покончено с локаутчиками? Третьяков, тоже промышленник и биржевик, один из монополистов текстильного района, — председатель Экономического Совета. Разве не будет теперь устранена разруха? Государственным контролером определен Смирнов,—Смирнов, который на своей фабрике не только держал рабочих на голодной плате, лишал их огня и воды, но и морил своих лошадей, чтобы затем иметь возможность закрыть из политических соображений предприятие. Разве теперь не будет достаточного контроля над государственными финансами? Разве этот людоед не приведет в порядок расстроенного государственного хозяйства? Министром иностранных дел оставлен Терещенко. Но разве он не выказал своего пламенного усердия в деле мира? Ефремов назначен полномочным министром и чрезвычайным посланником в Швейцарию. Но разве он не зарекомендовал себя в качестве лучшего друга английского империализма? И неужели это не является достаточной гарантией для мира и свободы? Кишкин, с которым отказались иметь какое бы то ни было дело московские советы, утвержден в звании министра призрения. Кто же может сомневаться в том, что он исполнит свой долг перед революцией?..

«Социалистическая» туманность — сотрудник «Русского Слова» Бернацкий, «рабочий» Гвоздев, адвокат Малянтович и другие dii minores, расположившиеся вокруг ярко империалистского («делового»), кадетско-корниловского ядра, — заранее была обречена стоять на запятках триумфальной колесницы «торговли и промышленности». Правда, кабинет был одобрен господином Бьюкененом. Более того, англо-французские друзья занимались

прямо-таки политическим вымогательством и шантажем, чтобы получить желательный состав правительства своей новой полуколонии, и это правительство возникло лишь после таинственных собеседований российских бонапартят с послом его величества Георга. Но русскому народу от этого не становилось легче. Объективная роль нового кабинета могла быть только одной: это была провокация гражданской войны.

Господа из временного правительства надеялись при этом на поддержку обывателя и тех середняков, которые объединились на демократическом совещании под политической гегемонией кооператоров.

«Я должен прямо сказать, — писал в банковско-демократическом «Дне» один из крупнейших сотрудников этой газеты,— вполне разделяя политическую платформу кооперации, нельзя не видеть, не чувствовать, что отсюда двинется масса бойцов, жаждущих реванша за все то темное и злое, что принес и приносит с собою большевизм в самом широком смысле слова. И я убежден, это будет не только словесный бой». А официоз Керенского, Савинкова и К°, «Воля Народа», бил в набат и звал под знамена борьбы с большевизмом, утверждая, что «соглашательству нет места» и что «демократия должна объединиться и железной рукой принудить большевизм покориться ее воле».

В растущем остервенении лабазника, адвоката и кооператора отражался собственнический страх перед надвигающимся коммунизмом. Этот страх вгонял их в холодный цыганский пот, напуганному воображению уже рисовались ужасы грабежей: убийств, всеобщего «дележа», погромов и «резни».

Средний буржуа, несмотря на свой убогий и засаленный реализм торгаша, никогда, в сущности, не бывает реалистом; и, несмотря на свою трезвенную рассудочность, он весь во власти двух эмоций: страха, когда его дело плохо, и мести, когда «он» победил. Он запирает на цепь свою ква тиру и засовывает под подушку свой бумажник, когда в этом не представляется никакой необходимости даже с точки зрения его интересов; он делается молчаливым, как схимник, со сладострастием почитывая крикливые статьи своих идеологов, когда ему еще предоставляется полная свобода слова. Но он выкалывает тростью глаза побежденным врагам и готов привести жену, дочь и сестру смотреть на казнь

своих политических противников. Его подлость и мстительность прямо пропорциональны его трусости.

Как ни преувеличивал этот буржуа грядущие «ужасы», но он угадывал своим почти звериным инстинктом неизбежность схватки. В это время вполне сознательно готовился к ней финансовый капитал со своими подсобными силами.

Обострение классового напора с этой стороны шло разом по всем направлениям. В экономической области систематически и упорно проводился план Рябушинского — взять рабочих «костлявой рукой голода». «Скрытые» и «открытые» локауты учащались. При полном развале промышленности и дезорганизации всего хозяйства «торгово-промышленный класс» умело подливал масла в огонь сознательно рассчитанным саботажем, который рос и рос. Господа министры решили, наконец, централизовать это дело и организовать дезорганизацию, подняв саботаж до принципиальной высоты государственно-национальной задачи. Именно с этой целью, т.-е. с целью искусственного увеличения и без того немалой безработицы и голода, Смирновы и Коноваловы стали с величайшим усердием проводить разгрузку — сперва Петербурга (это был наиболее красный, а потому и наиболее опасный пункт), а затем и московского района. А в то время, как торговцы и промышленники орудовали на фабриках и заводах, финансирующие учреждения стали проводить в усиленном размере ту же политику по отношению к «новым» думам, особенно большевистским, отказывая им в каком бы то ни было кредите. В самом деле, разве можно было придумать какое-нибудь более «общенациональное дело», чем медленное затягивание уже намыленной петли?

Политика дополняла экономику. И прежде всего «международная» политика. Пламенные патриоты не прочь были уже заключить какой угодно мир в обмен на усмирение рабочих и крестьян. Таинственные заграничные совещания, сведения о которых просачивались в прессу, выражали эту назревшую потребность.

Подготовка сдачи Петербурга с одновременным его расстрелом немецкими пушками — стала затаенной мыслью российских буржуа.

Наконец, вооруженные удары готовились и изнутри. Повсюду стали мобилизовываться разбитые в корниловские дни органи-

зации, окопавшиеся наиболее крепко на Дону. Из этой русской Вандеи должен был быть открыт крестовый поход на революцию русского народа.

Рабочий класс, с своей стороны, напрягал все усилия, готовясь от обороны перейти в наступление. Для широких рабочих масс необходимость борьбы за власть становилась ощутительнее, чем когда бы то ни было. Экономические стачки, которыми пролетариат пытался отвечать на натиск капитала, не помогали. Они прямо провоцировались капиталом, который превращал это орудие борьбы в локауты, проводимые руками рабочих. Власть Советам! Власть Съезду Советов! Низвержение правительства!— эти лозунги стали настолько популярными, что не нуждались ни в каких пояснениях.

Крестьянство все более повышало свою активность, переходя к прямому восстанию против помещиков; его не могли запугать уже никакие репрессии, в изобилии сыпавшиеся ему на голову. Кризис назревал с поразительной быстротой...

Декларация, опубликованная новым правительством, вполне подтверждала наихудшие опасения: вести войну «в единении с союзниками»; «упорядочить» земельные отношения «без нарушения прав существующего землевладения»; повысить косвенные налоги; наконец, вести «самую решительную, последовательную, систематическую борьбу со всякими проявлениями контр-революции и анархии» — такова была «программа». В переводе на простой язык это означало: международный разбой, охрана помещиков, обирание масс, удушение революции. Таковой должна была быть и такой стала программа правительства гражданской войны.

Что касается вопроса о конструкции власти, то он был «решен» «Положением о временном совете Российской республики», обнародованным за подписью гражданина Коновалова. Именно последнему было предоставлено решить судьбу предпарламента, который должен был бы решить судьбу Коновалова. В «Положении» сказалась с поразительной ясностью роль социал-патриотических предателей: они добились, чего хотели! И без того кургузые права демократии были ощипаны со всех сторон. «Совету республики» было благосклонно разрешено «обсуждение законодательных предположений, по коим временное правительство признает необходимым иметь заключение совета»,—

таковой оказалась почтенная функция этой придворной канцелярии Керенского.

«Законосовещательный совет Республики», который долженствовал быть оплотом одновременно и против учредительного собрания (Львов, Караулов и прочие уже кричали о необходимости еще раз отложить выборы) и против советов рабочих, солдат и крестьян, — был, в сущности, сразу же взорван партией пролетариата. Большевики ушли из этого «реформированного» предпарламента, и он сразу же потерял значение центра, в котором отражалась вся напряженность классовой борьбы.

Пролетариат все с большей настойчивостью мобилизовал силы советов. Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии обратился с резким воззванием против правительства, посылавшего контр-революционные войска в Финляндию; началась подготовка ряда областных и армейских съездов. Закипела лихорадочная работа по созыву Всероссийского Съезда, который в свое время был решен — под сильным давлением со стороны масс — и Центральным Исполнительным Комитетом. Фокусом политической жизни становился, таким образом, не жалкий совет республики, а грядущий съезд российской революции. В центре этой мобилизационной работы стоял Петербургский Совет, который демонстративно выбрал своим председателем Троцкого,— самого блестящего трибуна пролетарского восстания.

В это самое время верхушки старой советской бюрократии, те, которые еще во время демократического совещания пятились от советов, чувствуя, что там уже почва окончательно потеряна, теперь окончательно зафиксировали свое предательство. Официальный орган советов стал вести борьбу за уничтожение этих советов.

«Временную организацию советов, — писали «Известия», — мы (!) хотим заменить постоянной, полной и всесторонней организацией государственного и местного строя жизни. Когда пало самодержавие и вместе с ним весь бюрократический порядок, мы (!) построили советы депутатов, как временные бараки, в которых могла найти приют вся демократия. Теперь вместо бараков строится постоянное каменное здание нового строя, и, естественно, люди постепенно уходят из бараков в более удобные помещения, по мере того как отстраивается этаж за этажом». Бесприютные оборонцы решили перейти в «более удобные по-

мещения» новой булыгинской думы, которой было дозволено «ставить вопросы» бесконтрольной клике... Так низко пали «демократы» и «социалисты»! Но они не только прокламировали свое отречение: они повели ожесточенную кампанию за срыв уже назначенного на 20 октября съезда. В бюро ЦИК гражданин Дан, эта старая лиса соглашательства, лицемерия и закулисных сделок, первый поставил вопрос об отмене съезда. Это не удалось. Но все агенты ЦИК на местах, все меньшевики и правые эсеры стремились сорвать съезд или, по меньшей мере, его дискредитировать: «съездом срывают учредительное собрание», «съезд не нужен, так как «пока» есть совет республики»; «съезд — это большевистская демагогия, которая бросает демократию в объятия контр-революции», и т. д., и т. д.—так стрекотали всюду и везде те, которым уже не было, в сущности, места в великих классовых организациях рабочих и крестьян, воскресших к новой жизни среди бурь социальной битвы.

Кампания оборонцев против съезда была, однако, заранее обречена на полный провал всем ходом классовой борьбы, которая разгоралась с каждым днем все ярче и ярче. Помещики, купцы, промышленники уже телеграфно умоляли правительство о присылке артиллерии и воинских частей для усмирения крестьян,—правительство удовлетворяло их просьбы и циркулярно внушало своим комиссарам действовать «по всей строгости закона»; в Петербурге оно нагоняло со всех сторон ударников и юнкеров; Ташкент и в особенности лево-эсеровский Ташкентский совет стал постоянным предметом завоевательных стремлений Керенского—Коновалова; против финнов велась та же кампания насилия, и даже самый «демократичный» из министров,—Верховский, тайно отдавал приказы об аресте комиссаров Областного Комитета в случае их «противодействия»; государственный контролер, саботажник Смирнов, выступил уже с прямым нападением на все советы, выработав проект их ревизии, точно это был полицейский участок при министерстве внутренних дел; в Минске закрыли популярнейший «Молот», у латышей закрыли «Вольный Стрелок»; в назидание рабочему классу в тайниках министерских канцелярий вырабатывали уже закон о принудительном арбитраже, т.-е. закон против стачек. Контр-революционные банды повели почти открыто антиеврейскую погром-

ную пропаганду, против которой у правительства не находилось никаких мероприятий. Зато оно молчаливо одобрило расстрел русских солдат во Франции, вести о котором докатились и на родину, а затем отставило устами Терещенко Скобелева, которого ЦИК посылал на поклон к союзным дипломатам с наказом, более чем умеренным: даже он казался уже неподходящим для теплой компании Терещенко — Маклакова — Алексеева!

А на ряду с этим железнодорожники одерживают верх; всеобщая стачка в Баку ломает сопротивление капитала; выборы в московские районные думы дают блестящую победу большевикам, поднимая число их голосов с 11 до 50%; съезд Балтийского флота целиком высказывается за большевиков; весь Московский район волнуется и кипит: бастуют кожевники, готовятся бастовать городские служащие, деревообделочники, текстильщики, металлисты; в советах — коренная ломка старого: перевыборы сплошь дают большевиков; кое-где рабочие выходят на улицу и уже требуют, чтобы советы от с л о в переходили к д е л у; наконец, Циммервальдская конференция и в о с с т а н и е н е м е ц к и х м а т р о с о в подают новые надежды на движение по ту сторону окопов.

30 сентября прилетает известие о занятии немцами Э з е л я. Затем получаются подробности морских боев, подробности, которые раскрывают новую чудовищную м е ж д у н а р о д н у ю п р о в о к а ц и ю на ф р о н т е.

Выясняется, что английский флот спокойно давал гибнуть геройски шедшему в бой красному Балтийскому флоту. Выясняется, что правительство само отдавало распоряжение о снятии пушек, охранявших дорогу на Петербург*. Выясняется, что вождь малого совещания московских деятелей, недавно уличенный в мошеннических поставках болванок, Родзянко, в своем докладе почти требовал сдачи Петербурга и Кронштадта и восторгался расстрелами и «порядком», который навели в Риге шуцманы Вильгельма. Риги мало! Пусть уничтожат «развращенный флот»! Пусть гибнет Кронштадт! Долой Петербург! Лозунг правительства: «в М о с к в у!» — стал ясным для всех: они бежали от ре-

*) № 6 «Пролетарского Дела», Кронштадт.

волюции, эти предатели, они удирали, как когда-то удирал Тьер из Парижа в Версаль. Что речь шла не о немецкой опасности,' — поведал не кто иной, как сам генерал Алексеев.

Теперь обнаружилась вся широта нового заговора. Пальчинский в Петербурге должен расправиться с рабочими, обостряя безработицу и «разгружая» город, превращая организованный пролетариат в хронических люмпенов, не способных ни к какому отпору; центры революции — Финляндия, Питер, Кронштадт, флот — пусть будут на худой конец уничтожены со всеми проклятыми Советами и комитетами огнем немецких орудий при благожелательном нейтралитете «союзников»; правительство организуется в Москве рядом с малым совещанием, на родине Коноваловых и Третьяковых на Дону формируется «преданная армия» — такова была последняя отчаянная крупная ставка российского капитала.

Военные силы контр-революции мобилизовались действительно во-всю. Казачьи генералы ввели всеобщее ополчение, укрепили станицы, вооружались и пулеметами и стали уже рассылать свои части в Центральную Россию; офицеры тайно организовали сводные офицерские отряды; юнкера снова — как в корниловские дни — становились под ружье. Профессионалы-военные уже с гордостью говорили, что предстоит не корниловская «проба пера», а нечто гораздо более значительное.

Правительство сделало же тем самым, распустив государственную думу только для того, чтобы продолжать свою правую политику вообще. Оно стало, в сущности, руководящим центром казацко-кадетской контр-революции; оно уже восклицало: «благословен грядый во имя Корнилова», всячески провоцируя «бунт большевиков». Партия пролетариата понимала всю серьезность положения. Теперь речь уже не шла о демонстрациях или по уде онстрациях. Массы готовились к настоящему, не шуточному бою. На простую демонстрацию они бы не пошли. Все отлично понимали, что время слов, агитации, пропаганды, время подготовки уже проходит; нужно действовать, иначе нас сомнут — таково было почти суровое настроение масс. Никакой шумихи, никакого радостного и сентиментального возбуждения: деловые мысли, деловые слова, твердая решимость биться до конца, принять бой и вести его со всем напряжением до гибели или

до победы — так думали, так чувствовали пролетарии, готовясь к схватке. Партия обсуждала вопрос о восстании; на крайнем правом фланге уже был поднят боевой флаг — нужно было поднять перчатку и немедленно перейти в наступление.

Первый выстрел был сделан контр-революцией: казачьи части разгромили Калужский совет. Только по чистой случайности члены совета не были расстреляны. Все подвергалось варварскому разгрому исключительно потому, что волна народного недовольства поставила во главе Калужского совета большевиков, на которых решили потренироваться казацкие войска во главе с комиссаром временного правительства и при благосклонном участии деятелей местной думы. И комиссар и эти «деятели» оказались «эсерами». Первое слово предательства и убийства принадлежало им.

Калужские события заставили советы быстро двинуться вперед. В это время в Петербурге совет уже переходил на боевое положение: резкая резолюция против правительства означала, что военные действия близки. Кронштадтские матросы проклинали «жалкого Бонапарта»; съезд советов Северной области прошел как дружный и стройный парад революционной армии; съезд представителей 6-го армейского корпуса объявил о своем отказе в какой бы то ни было поддержке правительству Керенского и провозгласил необходимость Советской власти.

20 октября Петербургский совет рабочих и солдатских депутатов постановил организовать Военно-Революционный Комитет. Центральный комитет Балтийского флота, Финляндский Областной Комитет, фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, совет крестьянских депутатов Питера, партийная военная организация и т. д. послали туда своих представителей. Это был военный штаб новой революции и восстания против империалистской диктатуры.

А в то же самое время в «совете республики» правая устраивала шумные овации генералу Алексееву, и апостол российского империализма, кадет Петр Струве, заявлял, что «за честное имя генерала Корнилова мы отдадим нашу жизнь».

В Петербурге начинается открытая на глазах у всех подготовка к восстанию. Вооружаются рабочие. Вооружаются солдаты. Со

всех сторон подтягиваются силы. Войсковые части, целые корпуса присылают приветствия и обещания поддержки. Съезд 5-й армии высказывается за немедленный переход земли к крестьянам. С величайшим напряжением ждут разрешения кризиса, готовясь вмешаться в решительный момент.

Начало кладет конфликт между Военно-Революционным Комитетом и штабом округа, который отказывается признать полномочия Комитета.

Неизбежность столкновения делается очевидной для всех.

22 октября назначается «день Петербургского совета», который превращается в генеральный смотр революционных сил. Военно-Революционный Комитет предпринимает меры к охране города, назначает своих комиссаров во все воинские части и важнейшие пункты. Фактическое распоряжение военными силами переходит, таким образом, к совету.

В ночь на 25 октября революционные войска заняли вокзалы, почту, телеграф, государственный банк, петербургское телеграфное агентство. Отдельные министры были арестованы. Еще в 6 часов вечера предыдущего дня временное правительство пыталось закрыть газету «Рабочий и Солдат». А ночью часть этого правительства уже находилась под замком. Бонапартистская власть была низложена без кровопролития, — настолько дружен, строен и могуч был натиск рабочих и солдат, шедших в бой за власть советов.

25 октября Троцкий, блестящий и мужественный трибун восстания, неутомимый и пламенный проповедник революции, от имени Военно-Революционного Комитета объявил в Петербургском Совете под громовые аплодисменты собравшихся о том, что «временное правительство больше не существует». И, как живое доказательство этого факта, на трибуне появляется встречаемый бурной овацией Ленин, освобожденный из подполья новой революцией.

В 10 часов вечера открывается Второй Всероссийский Съезд Советов. С первых же слов ясно, что оборонцам там не место. Господа положения в прежнем, они покидают съезд теперь, за ними уходит и кучка «интернационалистов» во главе с Мартовым, которые вдруг завопили о «насилии» и «заговоре». Тем дружнее прошли решения съезда.

Керенский ввел смертную казнь. Съезд отменил ее в первую голову. Керенский сажал в тюрьму членов земельных комитетов. Съезд выпустил на волю крестьян, рабочих, солдат, которые томились в застенках бонапартистского правительства. Декреты о мире и о земле, предлагавшие немедленные мирные переговоры и отдававшие землю крестьянам, были приняты с таким энтузиазмом, как никогда. Провозглашение власти советов и избрание Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным было встречено бурным восторгом со стороны рабочих и солдат и злобной, животной ненавистью со стороны обезумевшей от страха буржуазии. Ленин во главе русского правительства — разве это не должно было казаться светопреставлением всем «благонамеренным элементам»?

Если в Петербурге власть была захвачена почти без выстрелов, то в другом центре революции — в Москве — борьба была упорной и жестокой. Здесь отчетливее, чем где бы то ни было, проявились все классовые группировки, выяснились на деле, в процессе вооруженной борьбы, позиции классов, групп, партий, организаций. Рабочие во главе с партией пролетариата — на самом ответственном посту. Солдаты — весь гарнизон поголовно — в ногу с рабочими. Большевики и левые эсеры — по одну сторону баррикады. Крупная буржуазия, обыватели, правые эсеры и верхи меньшевистских организаций, генералы, офицеры, юнкера, казаки — по другую. Ружье против ружья! Пулемет против пулемета!

Московский пролетариат вступил в борьбу неподготовленным. Его целью была одна цель — поддержать петербургских товарищей. Погибнуть, но поддержать.

Сигнал восстания подала партия пролетариата, заняв вооруженными отрядами почтамт. Дальше события развиваются головокружительно быстро. Образование Военно-Революционного Комитета, занятие Кремля, сдача его, бои в центре и на окраинах; трагический момент, когда отряды юнкеров чуть не выбивают советские войска из центра, отпор им и, наконец, ускоренная огнем тяжелой артиллерии победа при грохоте осадных орудий, треске пулеметов и свисте ружейных пуль, — мелькали все эти сцены перед лицом «благочестивой» русской столицы, второй уже раз переживавшей революционное восстание...

Победа была одержана благодаря исключительному героизму самих рабочих и солдат. Красногвардейцы дрались, как настоящие львы революции, с беззаветной преданностью, с мужеством, не знающим страха. Бок-о-бок с ними шли солдаты во главе с отрядом двинцев,—ударным отрядом революции. Эти двинцы были заточены в прифронтовые тюрьмы, а потом в Бутырскую тюрьму эсером Керенским. Они были выпущены московскими рабочими. И они поклялись биться до конца. Московская борьба была поистине борьбой самих масс, энергичных, находчивых, самодеятельных и храбрых, как могут быть храбры только сыны народа, сбрасывающие цепи рабства и угнетения.

Против народа дрались отряды юнкеров под командой эсера, полковника Рябцева. Общеорганизационным центром была дума, выдвинувшая контр-революционный «комитет спасения». Эсер Руднев удачно дополнял эсера Рябцева, создав и вооружив белую гвардию буржуазии.

Крупная буржуазия предпочла действовать из подполья. Ведь у нее были достаточно надежные агенты из бывших террористов! Всего за несколько дней эти социал-предатели протестовали в советах против Красной гвардии, потому что они якобы боялись «раскола между солдатами и рабочими». Теперь, когда солдаты и рабочие вместе стали проливать свою кровь, эти господа организовали помещичьих и буржуазных сынков, направив их ружья и против солдат и против рабочих! Московский Совет Солдатских Депутатов, где большинство имели эсеры и меньшевики, заседая в одном здании с руководителями восставших пролетариев и крестьян, дал отборные кадры шпионов Керенского, которые следили, выдавали, предавали, а потом судили захваченных большевиков. Солдаты сместили его. Но «социалистические» газеты соглашателей продолжали его дело. В самом начале выкинув «благородный» лозунг: «Довольно кровопролития!», эти негодяи в сотнях тысяч экземпляров печатали лживые известия о том, что Керенский уже взял Петербург: им нужно было (ибо это нужно было капиталу) разбить силы рабочих и солдат не только силой белой гвардии, но и силой массовой лжи и клеветы.

Но слишком глубоко проникла ненависть к угнетателям. Москва была взята с бою. Но она была взята.

29 октября в Петербурге бывшие вожди мелкой буржуазии пытались поднять мятеж юнкеров. Мятеж был подавлен в несколько часов, а его организатор Гоц сбежал. Керенский, собрав остатки войск, двинулся было на Петербург. Но красные войска наголову разбили его под Гатчиной, и он, который торжественно заявлял, что только через его труп перешагнут те, кто посмеет свергать коалицию, бежал позорно, как бежит трус и предатель. Несмотря на вооруженное сопротивление, революция победила в важнейших центрах. Этим участь старой власти была решена. Диктатура империалистов сменилась диктатурой пролетариата, поддержанного деревенской беднотой. Дальше начинается ее натиск на врага, уже сдавшего свою главнейшую позицию, и героическая борьба с международным империализмом, борьба за уничтожение капитала, за активное проведение в жизнь социалистического переустройства общества.

Буржуазия делит все революции на «славные революции» и «великие бунты». «Славные революции» — это когда рабочие и крестьяне тащат из огня своими руками каштаны для буржуазии, «великие бунты» — это когда рабочие не хотят ограничиваться такой скромной ролью, это когда они идут дальше границ, установленных капиталом. «Ни шагу дальше, — говорит «славная революция» пролетариату, — власть и собственность принадлежат буржуазии». «Вперед, за эту проклятую черту; вперед к социализму» — говорит «великий бунт». Октябрьская революция была «великим бунтом» для буржуазии. Но для пролетариата она была действительно славной революцией. В этом отношении между Мартом и Октябрем лежит глубокая пропасть.

Мартовскую революцию вынуждены были «приветствовать» все: она была «светлая», в «чистых одеждах», «лучезарная», «бескровная», — ибо она была «общенациональной». Раз на нее наложили свой штемпель даже враги всяких революций, — как же не быть ей доброй и хорошей? В глазах буржуазии Мартовская революция была в конце концов приемлема потому, что она, свергнув диких помещиков, отдала власть империалистической буржуазии. С этим буржуа «мирились». Тут для них освободительная роль революции была ясна: ведь это их в первую голову подняли на щит власти! Правда, они с первого

дня чувствовали, что революция пойдет вперед, что нужно держать камень за пазухой; но, подготовляя веревку, они в то же время радостно улыбались, умилялись и плакали от «революционного энтузиазма», внезапно обуявшего всех тех, кто еще за несколько дней выбрасывал лозунг: «Лучше поражение, чем революция». Публицисты и поэты называли революцию воскресением христовым, ибо помещичья власть царя, давившая слегка на мозоль «торгово-промышленному классу», была сброшена, и буржуазный Христос стал у власти обеими ногами. Вся «интеллигенция», живущая подачками с барского стола, начиная от бывших солистов его величества и кончая беспардонной богемой, дружно аплодировала Мартовской революции.

Совсем другой представлялась «образованному обществу» рабочая революция в октябре. Бездушная, узко-классовая, покрытая кровью, вандальская, «без грана идеализма», насильническая, заговорщическая, какая-то «контр-революционная» революция,— такой была в глазах капиталистических мародеров величайшая в мире революция пролетариата.

Капиталистическая собственность есть закон природы — это аксиома буржуазной революции, которая раскрепощает эту собственность с ее личным придатком от феодальных пут. Капиталистическая собственность подлежит уничтожению вместе с остатками феодализма — это аксиома пролетарской революции. Поэтому пролетарская революция есть отрицание буржуазного строя вообще. В буржуазной революции с общества снимается только его старая политическая скорлупа: власть переходит из рук одной группы собственников в руки другой, из рук помещиков в руки буржуазии. Правда, так как буржуазия проделывает эту все же рискованную операцию руками рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, то кое-что изменяется и в производственных отношениях. Но классовая монополия собственников остается незыблемой. Принципиально она не только не отменяется, но получает здесь свое капиталистическое обоснование.

Совсем другое — революция социалистическая: она есть революция производственных отношений прежде всего. Ибо она не изменяет классовой монополизации средств производства со стороны кучки собственников,— она у н и ч т о ж а е т эту монополи-

зацию. Это не есть перетасовка собственнических групп: это есть экспроприация.

Буржуазная революция теперь означает повторение пройденного Западом сто лет тому назад. Социалистическая революция — новый рычаг, который опрокидывает навзничь все сложившиеся отношения.

Победоносное восстание в октябре показало, что в России «социалистическая революция» не только возможна, но что она исторически необходима. Против сплоченных сил врага выступила многомиллионная масса, которая смела этого врага в главных центрах общественной жизни с легкостью, которой не ожидал никто. Пустые болтуны праздношатающейся «социалистической» мысли, видящие свое историческое призвание в критике рабочего коммунизма, не понимали и не понимают, что уже самый факт победоносной диктатуры свидетельствует об исторической правомерности социалистического переворота. Но отставные вожди мелкой буржуазии во время героической борьбы способны лишь на одно «творчество»: изобретение новых бранных слов...

Великая Октябрьская революция, встреченная диким воем и скрежетом со стороны буржуазии, неминуемо должна была найти отклик среди западно-европейского пролетариата: первый раз за существование классовой борьбы пролетариата он твердой рукой взял государственную власть. Красный призрак коммунизма стал во весь свой гигантский рост. Европейская банократия заметалась и засуетилась. Она жаждала окончательной расправы с российской буржуазией. У власти — ненавистнейшая партия, самая крайняя, самая последовательная, самая антикапиталистическая, самая революционная.

В пороховой погреб старой окровавленной Европы брошен факел русской социалистической революции. Она не умерла. Она живет. Она ширится. Она сольется неизбежно с великим победоносным восстанием мирового пролетариата.

[Н. Бухарин: «От диктатуры империализма — к диктатуре пролетариата», 1917 год.]

* * *

V.

НА ПУТЯХ К МИРОВОМУ ОКТЯБРЮ.

«Мы сумеем не только в порыве храбрости и гордости наступать, но и, в случае неизбежности, начать отступление, которое, в конце концов, приведет нас к эпохе, когда мы, с новыми, окрепшими силами, объединившись с международным пролетариатом, начнем вторую Октябрьскую революцию, но только в мировом масштабе.

Из доклада о Брестском мире.
В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 178.

ПУТИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

[Отрывки из статей и речей В. И. Ленина.]

Когда мы начинали в свое время международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна. Еще до революции, а также и после нее мы думали: сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах и во что бы то ни стало сохранить советскую систему, так как знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции. Мы это знали, мы неоднократно выражали это убеждение до Октябрьской революции, точно так же, как и непосредственно после нее, и во время заключения Брест-Литовского мира. И это было, говоря вообще, правильно.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается — мы с удовлетворением можем это установить — во всем мире, и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия, хотя она

в экономическом и военном отношениях в сто раз сильнее нас, не в состоянии задушить нас...

...окончательный вывод, который я делаю из этого, следующий: развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это наступательное движение не такое прямолинейное, как мы того ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны,—даже гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали. Сейчас начинают появляться брошюры, которые нам рассказывают, что за последние годы и месяцы эти революционные симптомы были в Европе гораздо значительнее, чем мы подозревали. Что же мы должны теперь делать? Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах. Это первый урок, который мы должны вынести из международного положения. Для нашей Российской республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории. Политически это равновесие очень важно, потому что мы ясно видим, что именно во многих западно-европейских странах, где широкие массы рабочего класса, а весьма вероятно и громадное большинство населения, организованы, главную опору буржуазии составляют как раз враждебные организации рабочего класса, примыкающие ко 2 и $2^1/_2$ Интернационалам...*

...Чем организованнее пролетариат в развитой капиталистической стране, тем больше основательности требует от нас история в деле подготовки революции, и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса.

---

* $2^1/_2$ Интернационал был организован австрийской с.-д. во главе с Фр. Адлером, германской независимой с.-д. и рядом других партий «центра», колебавшимися между II и III Интернационалом. Постепенно разница между ними и партиями желтого Интернационала совершенно стерлась, и в мае 1923 г. Двухсполовинный Интернационал постановил самоупразднится.

Во-вторых: главной опорой капитализма в промышленно-развитых капиталистических странах является как раз часть рабочего класса, организованная во 2 и $2^1/_2$ Интернационалах. Если бы она (международная буржуазия) не опиралась на эту часть рабочих, на эти контр-революционные элементы внутри рабочего класса, международная буржуазии была бы совершенно не в состоянии удержаться.

[Из речи на III конгрессе Коминтерна: «О тактике РКП», июль 1921 г. — В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. I, стр. 320—322.]

* * *

«На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, п о м о г а л а этой революции, но ф о р м у помощи избирала соответственно своим силам».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 112.]

* * *

«Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 126—127.]

* * *

Мы сейчас переживаем ту полосу, когда во всех западно-европейских странах революция зреет, когда выясняется полная безвыходность положения для рабочих армий Германии. Мы знаем, что там, на Западе, против трудящихся стоит не гнилой режим Романова и пустых хвастунов, а поголовно организованная буржуазия, опирающаяся на все завоевания современной культуры и техники. Вот почему нам революцию было так легко начать и труднее продолжать, и вот почему там, на Западе, революцию труднее начать, но будет легче продолжать.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 293.]

* * *

Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед наш, российский отряд, социалистического пролетариата не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что до взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций.

Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистской бойни, а осилит ее. И первой страной, которая сломала каторжную цепь империалистской войны, была наша страна. Мы принесли тягчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но мы сломали ее. Мы стоим вне империалистских зависимостей, мы подняли перед всем миром знамя борьбы за полное свержение империализма.

Мы находимся в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды есть, они многочисленнее, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма. Рабочие рвут со своими социал-предателями Гомперсами, Реннерами. Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической большевистской тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 414 — 415.]

* * *

Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощью всего объединенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не мог и по своему объективному положению и по экономическим

интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема — необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узко национальной, к мировой.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 126—127.]

★ ★ ★

Враги, с которыми нам приходилось иметь дело до сих пор,— Романовы, Керенский, мелко-буржуазные соглашатели, наша тупая, трусливая, неорганизованная буржуазия — разве это враги. Ныне мы вступаем в борьбу с действительно опасным врагом, хорошо организованным, обладающим завоеваниями высокой техники, — с буржуазией международной. Теперь мы должны перенести неслыханный позор, но мы перенесем его, нисколько не уступая своих позиций. Мы в праве ожидать помощи от нашего союзника, пролетариата всех стран, который не может не понять, что мы теперь стали оборонцами, но — оборонцами, защищающими позиции социализма. Необходимо, чтобы миллионы и десятки миллионов населения России поняли это. Необходимо побороть наш хаос и нашу дряблость, иначе нам никогда не победить такой силы, как международная буржуазия. Как ни нагло и бесстыдно насильнически наступает теперь германская буржуазия, но эта наглость и это бесстыдство увеличивают ряды нашего союза. Когда международный пролетариат подоспеет к нам на помощь, тогда мы победим!..

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 169.]

★ ★ ★

Период старых империалистических войн окончен. Наступает историческая эпоха войн освободительных, победа которых несомненна. Народ Англии и Америки с величайшим энтузиазмом называет имена и лозунги революционных советов. Проле-

тариат всего мира понимает, что здесь, в России, делается их собственное дело. Наш союзник, трудовой народ всех других стран, с нами и за нас, кто бы что ни говорил. Ему приходится бороться в неслыханно тяжелых условиях. Он загнан в подполье, он заточен в военно-каторжные тюрьмы, но он отлично понимает смысл всех последних событий.

Мы будем отступать, наши силы окрепнут, империализм встал на путь гибели, и нет сомнения, что победы будут, великие победы международной революции. Мы сумеем не только в порыве храбрости и гордости наступать, но и, в случае неизбежности, начать отступление, которое в конце концов приведет нас к эпохе, когда мы, с новыми, окрепшими силами, объединившись с международным пролетариатом, начнем вторую октябрьскую революцию, но только в мировом масштабе!

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 178.]

* * *

Если в конечном счете подумать о том, почему вышло так, что мы могли победить, что мы должны были победить, то только потому, что все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала, — как бы они ни были объединены формально,— оказались разъединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей, так что они не видели, что Советская Россия увеличивает число своих сторонников среди английских солдат, высадившихся в Архангельске, среди французских матросов, высадившихся в Севастополе, среди рабочих всех стран, где социал-соглашателям пришлось принимать сторону капитала во всех без изъятия передовых странах. Эта основная причина, самая глубокая причина, в последнем счете дала нам вернейшую победу.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVII, стр. 66.]

* * *

Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение, в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т.-е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции.

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции. Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает в с е м странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, — а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVII, стр. 115—116.]

* * *

Тактика большевиков была правильной, была единственно интернационалистической тактикой, ибо она базировалась не на трусливой боязни мировой революции, не на мещанском «неверии» в нее, не на узко-националистическом желании отстоять «свое» отечество (отечество своей буржуазии), а на все осталь-

ное «наплевать», — она была основана на правильном (до войны, до ренегатства социал-шовинистов и социал-пацифистов общепризнанном) учете европейской революционной ситуации. Эта тактика была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах. Эта тактика оправдалась громадным успехом, ибо большевизм (вовсе не в силу заслуг русских большевиков, а в силу глубочайшего сочувствия масс повсюду тактике, революционной на деле) стал мировым большевизмом, дал идею, теорию, программу, тактику, отличающуюся конкретно, практически от социал-шовинизма и социал-пацифизма. Большевизм добил старый, гнилой Интернационал Шейдеманов и Каутских, Реноделей и Лонге, Хендерсонов и Макдональдов, которые будут теперь путаться в ногах друг у друга, мечтая о «единстве» и воскрешая труп. Большевизм создал идейные и тактические основы III Интернационала, действительно пролетарского и коммунистического, учитывающего и завоевания мирной эпохи, и опыт начавшейся эпохи революции.

Большевизм популяризовал на весь мир идею «диктатуры пролетариата», перевел эти слова с латинского сначала на русский, а потом на все языки мира, показав на примере Советской власти, что рабочие и беднейшие крестьяне даже отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, в состоянии были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплоататорами (коих поддерживала буржуазия всего мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, начать творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма.

Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке так сильно, как ни одной партии ни в одной стране не удавалось до сих пор помогать. В то время, как рабочим всего мира с каждым днем становится яснее, что тактика Шейдеманов и Каутских не избавляла от империалист-

ской войны и от наемного рабства у империалистской буржуазии, что эта тактика не годится в образец для всех стран,— в это время массам пролетариев всех стран с каждым днем становится яснее, что большевизм указал верный путь к спасению от ужасов войны и империализма, что большевизм годится как образец тактики для всех.

Не только общеевропейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России. Этого всего мало для полной победы социализма? Конечно, мало. Одной стране большего сделать нельзя. Но эта одна страна, благодаря Советской власти, сделала все же столько, что даже если бы русскую Советскую власть завтра раздавил мировой империализм, допустим путем соглашения германского империализма с англо-французским,— даже в этом, худшем из худых, случае большевистская тактика оказалась бы принесшей громадную пользу социализму и поддержавшей рост непобедимой мировой революции.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 502—503.]

* * *

Наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные все мировые силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 250.]

* * *

Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой

стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист,— то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и наблюли на этом оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы откинули, потому что как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяками является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец дозреет, — совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XV, стр. 129.]

★ ★ ★

Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно. Поэтому вопросы хозяйственного строительства приобретают для нас значение совершенно исключительное. На этом фронте мы должны одержать победу медленным, постепенным,— быстрым нельзя, — но неуклонным повышением и движением вперед.

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 282.]

★ ★ ★

В. И. ЛЕНИН.

ВОСТОК И ЕГО РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

«... Совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы все ожидаем».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 323.]

★ ★ ★

«... Трудящиеся массы колониальных и полуколониальных стран, составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае. Империалистическая война 1914—1918 гг. и Советская власть в России окончательно превращают эти массы в активный фактор всемирной политики и революционного разрушения империализма, хотя этого не видит еще упорно образованное мещанство Европы и Америки, в том числе вожди 2 и $2^1/_2$ Интернационалов...»

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 313.]

★ ★ ★

«... Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей. Старая буржуазная и империалистическая Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистической бойне, как вонючий нарыв. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться или хотя бы заниматься им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли. Это большинство теперь проснулось и пришло в движение, которое не в силах остановить самые сильные и «могущественные» державы. Куда им! Теперешние «победители» в первой

империалистической бойне не в силах победить даже маленькой, ничтожно маленькой Ирландии, не в силах победить даже той путаницы, которая создалась между ними самими в финансовых и валютных вопросах. А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 миллионов человек. Это — с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран — большая половина населения земли. Там надвигается, неудержимо и все быстрее надвигается 1905 год, с тем существенным и громадным отличием, что в 1905 году революция в России могла еще пройти (по крайней мере сначала) изолированно, т.-е. не втягивая сразу в революцию другие страны. А растущая в Индии и в Китае революция уже сейчас втягивается в революционную борьбу, в революционное движение, в международную революцию».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 73—74.]

★ ★ ★

«... В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 136.]

★ ★ ★

«... Социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии; нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVI, стр. 388.]

★ ★ ★

«... Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с не-

обычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том — каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

[В. И. Ленин. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 137.]

★ ★ ★

И. В. СТАЛИН.

ОКТЯБРЬ 17 г. — ФАКЕЛ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

[Отрывок из брошюры «О Ленине и ленинизме».]

Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах. История революции в России является прямым тому доказательством. Необходимо только помнить при этом, что свержение буржуазии может быть с успехом проведено лишь в том случае, если имеются налицо некоторые, совершенно необходимые, условия, без наличия которых нечего и думать о взятии власти пролетариатом.

Вот что говорит Ленин об этих условиях в своей брошюре «Детская болезнь»:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в двадцатом веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетаемые массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хо-

тят и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых, и эксплоататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или, во всяком случае, большинство сознательных, мыслящих, политически-активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было итти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы, обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его»...

Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, — об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран. Поэтому развитие и поддержка революции в других странах является существенной задачей победившей революции. Поэтому революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах.

Ленин выразил эту мысль в двух словах, сказав, что задача победившей революции состоит в проведении «максимума осуществимого в одной стране, для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах» (см. «Пролет. Револ.»).

* * *

И. В. СТАЛИН.

ОТ РОССИЙСКОГО ОКТЯБРЯ К ОКТЯБРЮ МИРОВОМУ.

[Отрывок из брошюры «О Ленине и ленинизме».]

Кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую.

Между тем, в России подымалась величайшая народная революция, во главе которой стоял революционнейший в мире пролетариат, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России. Нужно ли доказывать, что такая революция не могла остановиться на полдороге, что она в случае успеха должна была пойти дальше, подняв знамя восстания против империализма?

Вот почему Россия должна была стать узловым пунктом противоречий империализма не только в том смысле, что противоречия эти легче всего вскрывались именно в России в виду особо безобразного и особо нестерпимого их характера, и не только потому, что Россия была важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока, но и потому, что только в России существовала реальная сила, могущая разрешить противоречия империализма революционным путем.

Но из этого следует, что революция в России не могла не стать пролетарской, что она не могла не принять в первые же дни своего развития международный характер, что она не могла, таким образом, не потрясти самые основы мирового империализма.

Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко-национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе

за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков.

* * *

И. В. СТАЛИН.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК НАЧАЛО И ПРЕДПОСЫЛКА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

[Глава из предисловия «На путях к Октябрю».]

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран, получающих возможность, в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она дает стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента «всеобщей развязки», ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчет того, что «а вдруг другие не поддержат». Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением» (см. Ленин. «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 38).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции *. Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше, до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося «кануном социалистической революции». Ибо появи ся такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился такой новый фактор, как огромная Советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплоатации мира и ареной колониального гнета, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

Все это такие факторы (я не говорю о других, менее важных фактарах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путем равномерного «вызревания» элементов социализма, прежде всего в более развитых, в «передовых» странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

> «Система международных отношений, — говорит Ленин, — сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств порабощено государствами-поработителями, это — Германия. Затем, ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они

* См. мою брошюру «О Ленине и ленинизме».

могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

«В то же время целый ряд стран — Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма.

«В виду этого и в связи с этим западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения».

(См. «Лучше меньше да лучше», 1924 г., стр. 33—34.)

Если к этому добавить тот факт, что не только побежденные страны и колонии эксплоатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплоатации наиболее могущественных стран-победительниц — Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что, кроме этих противоречий, существуют еще и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов, — если все это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной. Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы импе-

риалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами вообще других стран. Без этой поддержки она не смогла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происходить тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что о к о н ч а т е л ь н а я победа социализма в первой освободившейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чем должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна «проводила максимум осуществимого в одной стране д л я развития, поддержки, пробуждения революции в о в с е х с т р а н а х» (см. Ленин «Пролетарская революция и ренегат Каутский», 1918 г., стр. 88).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы «победивший пролетариат» одной страны, «экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... п р о т и в остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (см. «Против течения», стр. 130).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает о к о н ч а т е л ь н у ю победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, на ряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всем мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире, при чем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции.

> «Ибо,— говорит Ленин,— невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с остальными государствами» (см. «Против течения», стр. 130).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.

Не правы поэтому не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Не правы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма.

[И. Сталин. На путях к Октябрю, Предисловие, стр. XLII.]

* * *

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр

Г. Бройдо. 1917—1925 3

I. НА ПОДСТУПАХ К ОКТЯБРЮ.

Факсимиле письма Ленина к тов. Смилге . . . . . 9—16
Письмо товарищу Смилге 17
И. Смилга. К письму тов. Ленина . . . . . —
Письмо В. И. Ленина тов. Смилге 19
В. И. Ленин. Письмо в ЦК РСДРП (б). 24
» Большевики должны взять власть 26
Решения Центрального Комитета партии о вооруженном восстании . 29
В. И. Ленин. Марксизм и восстание 31
» Нельзя итти вперед, не идя к социализму 36
» Революционная демократия и революционный пролетариат. 40
И. Сталин. Союз желтых 42
» Мы требуем 44
» Заговор против революции 47
Н. Бухарин. Вперед! 62

II. КАНУН ОКТЯБРЯ.

В. И. Ленин. Кризис назрел 69
» Письмо в ПК и МК РСДРП (б) 74
» Советы постороннего 76
» Письмо к делегатам-большевикам Северного областного съезда Советов 78
И. Сталин. Власть Советов 83
» Экзамен наглости 86
» «Окружили мя тельцы мнози тучны» 89
» Что нам нужно? 91
Н. Бухарин. К социализму 94
» Крах империалистского правительства 97

Стр.

III. ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ?

В. И. Ленин. Почему победила Октябрьская революция 103
» Легче начать — труднее довести до конца 104
» Три условия победы большевизма. 105
И. Сталин. Внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции. 112
» О некоторых особенностях тактики большевиков в период подготовки Октября 114

IV. ОКТЯБРЬ И ЕГО ЗАДАЧИ.

В. И. Ленин. Речь об Октябрьской революции в Петербургском Совете Р. и С. Д. 119
Н. Бухарин. Новая революция и международный капитал 120
» Манифест Военно-Революционного Комитета Московских Советов рабочих и солдатских депутатов. Ко всем гражданам Москвы 121
» Из-за чего борьба? 123
» О московских событиях 124
В. И. Ленин. Наши задачи 128
» К четырехлетней годовщине Октябрьской революции . . . 129
Н. Бухарин. Правительство гражданской войны — Октябрьская революция 137

V. НА ПУТЯХ К МИРОВОМУ ОКТЯБРЮ.

В. И. Ленин. Пути мировой революции 155
» Восток и его роль в международной революции 165
И. Сталин. Октябрь 1917 г. — факел мировой революции. 167
» От российского Октября к Октябрю мировому 169
» Октябрьская революция как начало и предпосылка мировой революции 170

* * *

Библиотека
Института Ленина
при ЦК РКП (б.)

90 коп.